

Валерий Сергеев

ПОЛЫНУШКА ГОРЬКАЯ

АННОТАЦИЯ

Возрождение страны невозможно без бережного отношения к её истории...

Автор данного художественно-публицистического произведения обращается к истокам, чтобы поделиться с читателем удивительными открытиями, сделанными им при исследовании обычаев и традиций славного российского казачества. Он рассказывает нам о судьбе нескольких поколений своих предков, об укладе их жизни, счастливых и трагических событиях тех далёких лет, размышляя о том главном, чего порой так недостаёт нашим современникам...

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Аннотация.....	1
Оглавление.....	1
Часть 1. Кто правду хранит, того Бог наградит!	2
Часть 2. Казачьему роду нет перевода!	9
Часть 3. Набат	28
Часть 4. Моя река	30
Сноски	37

ЧАСТЬ 1. КТО ПРАВДУ ХРАНИТ, ТОТО БОГ НАГРАДИТ!

«Как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история – реальна».
Л.Гумилев

Известно ли вам, читатель, что, произнося фразы: «волк в овечьей шкуре», «колосс на глиняных ногах», «строить дом на песке», «перед свиньями бисер не мечут», а также называя предателя и злодея «иудой» и «иродом», мы цитируем Библию? Благодаря справедливости своих оценок, меткости и емкости понятий, многие истины Священного писания давно стали крылатыми словами, пословицами и поговорками, употребляемыми в разговорной речи даже убежденными атеистами. И вот вам примеры – недавние коммунистические лозунги: «из искры возгорится пламя», «кто не работает, тот не ест», «кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет», «что посеешь, то и пожнешь» ...

Не генетическая ли память православных пращуров нашептывает нам эти слова? Вполне возможно, ведь мы, порой, сами не осознаем, как много унаследовали от своих предков. Так же часто мы говорим: «круговая порука», «огонь родного пепелища», «ползать по-пластунски (1.)», «справный казак», не задумываясь над тем, что прикасаемся к славной истории древней и самобытной части нашего народа...

Что же случилось с нашей памятью, отчего она так коротка? Почему нам приходится по крохам восстанавливать то, что для наших прадедов было также обычно, как приветствие "здорово ли дневали, казаки?" И неспроста же мне, сугубо городскому жителю, так часто снится, что несусь я галопом по бескрайней степи на горячем донском скакуне?

Собирая и изучая обычаи и традиции казачества, я сделал для себя ряд удивительных открытий, которыми и хочу поделиться с читателями, видя в этом не только исторический интерес, но и возможную пользу от урока чистых и справедливых человеческих отношений.

Прошлое и будущее прочно держатся за руки, а их крепкое рукопожатие происходит прямо сейчас и здесь – на наших глазах. Возрождение казачества невозможно без бережного отношения к его истории. Но пока усилия государства очень напоминают процесс изготовления красивого чучела из собственноручно подстреленной редкостной птицы.

Справедливо говорится, что в грядущее можно заглянуть, лишь осознав и приняв былое. Встарь у наших предков бытовал обычай, когда на особо значимые мероприятия казачьего общества стариками приглашались самые смысленные отроки, дабы их цепкая память впитала суть и истинный смысл происходящих знаменательных событий: войсковых празднеств и сходов, а со временем все это без искажений было бы передано последующим поколениям. Так ковалась цепочка казачьей истории...

Сама идея казачества не принадлежит русскому народу. Слово "казак" – тюркского происхождения. Оно означает "свободный, независимый человек", а по иным источникам – "легковооруженный всадник". В любом случае, его смысл связан с вольницей и удалством воинственных наездников, промышляющих разбоем и набегами, походами за «зипунами» (военной добычей) и «ясырем» (пленниками).

Сначала казачество жило исключительно войной, а обучение ратному делу начиналось буквально с рождения. Как только мальчик появлялся на свет, ему давали "на зубок" стрелу (позже пулю), а в ручонку вкладывали лук или ружье.

В 1380 году казаки помогли князю Дмитрию разбить войско Мамаю на Куликовом поле. Присягнув в XVI веке русскому царю, они стали смотреть на свою борьбу с врагами Руси, как на государеву службу. А в 1613 году на Земском соборе казаки немало поспособствовали избранию царем Михаила Романова.

Благодаря своей храбрости и стойкости в боях, искусным действиям командиров и сохранением строгого воинского порядка, казаки вписали не одну славную страницу в боевую летопись России и стяжали право на благоволение своего Государя и признательность Отечества. По этому поводу Л.Н. Толстой писал: «Вся история России сделана казаками».

Казачество не только участвовало во всех войнах, которые вело Московское государство, но и самостоятельно боролось с могущественной Турецкой империей, Польским королевством, Литовским княжеством и Крымским ханом, участвовало в завоевании и освоении окраин России. Благодаря хорошей боевой подготовке и воинским традициям, казачьи части сыграли значительную роль в Семилетней войне, Отечественной войне 1812 года, Кавказской, Крымской и русско-турецких войнах.

Наполеон однажды признался: "Надо отдать справедливость казакам: именно им обязаны русские своими успехами. Это бесспорно лучшие легкие войска, которые только существуют. Дайте мне одних только казаков, и я покорю всю Европу". А скупой на похвалу М.И. Кутузов писал атаману М.И. Платову: "Услуги, оказанные Вами Отечеству не имеют примеров. Вы доказали целой Европе мужество и силу обитателей благословенного Дона".

Кроме военной службы и охраны границ, казаки несли дорожную, почтовую и ремонтную повинности, проводили межевание земель, переписи населения и сбор налогов. Думаю, что не случайно казаки входили и в состав личной охраны русских царей. Опираясь на экономическую зажиточность и привилегированность казачества, как особого военного сословия, правительство широко использовало его для несения полицейской службы и подавления революционного движения в стране. На этом базируется масса предубеждений, которые при ближайшем рассмотрении рассыпаются, как заговоренный клад от «аминя»: казаки во все времена неукоснительно следовали требованиям присяги, честно служили

любой законной власти, а в периоды смут и волнений нередко спасали население от грабежей и погромов.

Внутреннее устройство казачьих общин всегда было весьма демократическим, но при этом базировалось на строгой военной дисциплине, основанной на высоком самосознании. Жизнь и смерть каждого казака находилась в руках атамана. Обычно Круг (2.) говорил избранному атаману: «Куда ты глазом кинешь, туда мы кинем головы свои».

За существенные проступки казачий Круг наказывал виновных *позором* и *штрафом*. «Позор» состоял в том, что преступника публично пороли, сажали в клетку, забивали в колодки. «Штраф» обычно выражался тем, что у виновного «грабили» все личное имущество в пользу общества. За более серьезные правонарушения нередко приговаривали к смертной казни через «куль и воду»: преступника зашивали в мешок с камнями и бросали в реку. Убийцу могли закопать живьем вместе с убиенным, а предателя и изменника – вывести на границу, разрубить надвое, одну половину оставить на своей земле, а другую перебросить на неприятельскую.

Долгое время войсковым Кругом донских казаков запрещалось хлебопашество "дабы воинским промыслам помехи не было", а дозволялось лишь скотоводство, охота, рыбная ловля и пчеловодство. Это правило строго соблюдалось вплоть до царствования Петра 1, которому все же удалось убедить казаков в том, что вовсе не постыдно соединять мирные занятия с военным ремеслом. С тех пор каждый станичник имел свой пай, то есть не саму землю, а право на определенную распахку. Хорошими и плохими участками все владели по очереди. Таким образом, казак являлся хозяином земли только от пахоты до сбора урожая.

Довольно щепетильно казаки относились к своему внешнему облику и одежде. В 1705 году атаман Савва Кочет доносил Петру 1 от всего Войска: «Мы взысканы твоей милостью паче всех подданных, нас не коснулся твой Указ о платье и бородах. Мы носим платье по древнему обычаю своему, которое кому понравится... Немецкого платья никто у нас не носит, охоты к нему вовсе не имеем».

Казаки говорили на русском языке, но выделялись говоры – донской, уральский, оренбургский и иные. Своеобразной была речь кубанских казаков (потомков запорожцев), изобиловавшая украинизмами. Долгое время признаком хорошего тона у казаков считалось владение татарским языком.

Самобытность нашего народа подтверждается и тем, что на казачьих территориях спокон веку отсутствовало крепостное право, казаки были освобождены от подушной и земельной подати, но зато несли поголовную воинскую повинность, справляя за свой счет все военное обмундирование, холодное оружие и лошадь с седлом, только винтовку получая от казны. Полная справа казака стоила порой до 150 рублей, тогда как за три рубля в те времена можно было купить корову.

Однако, понятие «*справности*» – это не только форменная одежда, конь и оружие, но также особое мировоззрение, бытовой и хозяйственный уклад. Сдвинутая на бок шапка, длинный чуб и усы, шаровары с лампасами, шашка и нагайка, все это имело особый символический смысл для любого казака.

Так, например, мужчины могли носить *серьги*, которые означали их роль и место в роду. Единственный сын у матери носил серьгу в левом ухе. Последний в роду, где нет других наследников по мужской линии, вдевал серьгу в правое ухо. Две серьги носил единственный ребенок у родителей. Кроме мистического значения, как языческого оберега, серьги играли и утилитарную роль. Благодаря им командир при равнении строя налево и направо видел, кого ему следует беречь в бою.

Многое можно было узнать о казаке по тому, как повязан его *башлык*: завязанный на груди он означал, что казак уже отслужил срочную службу, перекрещенный на груди – следует по делу, концы заброшены за спину – свободен, отдыхает.

Лампас означал принадлежность к казачьему сословию, а по цвету – к определенному войску. Он был символом освобождения от всех видов государственных платежей, знаком казачьей независимости и национальной обособленности.

Согласно «Положению о воинской повинности» Донского казачьего войска 1875 года казак первые три года находился в приготовительном разряде, из них два года располагался в станице, третий – в лагере. Далее казаки находились в строевом разряде. Первые четыре года они несли действительную службу в частях 1-й очереди в районах, предписанных военным ведомством; следующие четыре года состояли в частях 2-й очереди и ежегодно собирались в лагерь, а затем в войсках 3-й очереди, где проходили всего один лагерный сбор. После строевого разряда казак переводился в запасной разряд, а после 63 лет считался стариком.

Всех выдающихся представителей славного российского казачества, конечно, весьма условно можно разделить на несколько категорий:

– великие бунтари. Самые знаменитые из них – Иван Болотников, Степан Разин, Кондрат Булавин и Емельян Пугачев;

– первопроходцы: Ермак Тимофеевич, В.Д. Поярков, В.В. Атласов, С.И. Дежнев, Е.П. Хабаров, которые внесли огромный вклад в освоение Сибири и Дальнего Востока, Казахстана и Кавказа;

– известные полководцы и военачальники. Герои войны с Наполеоном: генералы М.И. Платов, А.К. Денисов, В.Д. Иловайский, В.А. Сысоев, Г.А. Луковкин. Герои Кавказской войны: генералы Я.П. Бакланов, Н.П. Слепцов, Ф.И. Круковский. Герои первой мировой войны: А.М. Каледин, Л.Г. Корнилов, П.Н. Краснов и многие другие.

Также из казачьей среды вышли десятки замечательных ученых и деятелей искусств: поэтов, писателей и художников. Всех их просто невозможно перечислить!

Незримые нити тянутся от седой старины к современности. Из этих паутинок и соткано наше настоящее... У всех на слуху словосочетание *«родное пепелище»*. Однако мало кому известно, что это такое... В ночь перед Рождеством казачья семья в потаенном уголке двора зажигала сноп соломы. Считалось, что души славных предков слетаются в эти минуты на огонь родового костра погреться. Место от такого костра, являлось своеобразным святилищем. Казаки брали щепоть земли с этого кострища и прятали ее в ладанку, свято веря в покровительство своих пращуров.

Вся Россия знает, что подразумевается под выражением *«спрятать в загишник»*, но только казаки знают, где он находится. Речь идет о пришитом к кальсонам кошельке на небольшой пуговке, куда прятались нажитые потом и мозолями трудовые деньги. Одеваемые поверх сподников шаровары перетягивались на поясе тонким сыромятным ремешком – гашником. Таким образом, кошелек, прижатый гашником к животу, и называли «за-гашник».

А вот еще одна интересная история появления широко известного выражения. В 1707 году произошло восстание казаков под предводительством Кондрата Булавина, причиной которого стало покушение властей на свободы и привилегии казачества. Однажды войско Кондрата Булавина внезапным ударом истребило большой царский отряд во главе с воеводой князем Долгоруковым, причем сам князь и большинство офицеров были пойманы казаками и обезглавлены. Тогда-то и появилось выражение *«пришел (или хватил)»*

Кондратий", что сейчас употребляется в значении – "внезапная смерть" или «апоплексический удар».

"История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество", - писал Н. М. Карамзин. В связи с этим хочу рассказать ещё о некоторых казачьих обычаях и традициях.

С незапамятных времен, смертельным оскорблением для замужней русской женщины было *«опростоволосить»* ее. Так, при наказании плетью палач прежде всего срывал с преступницы головной платок. Большим позором было показаться в таком виде не только перед гостями, но даже перед собственным мужем. Для мужчин, сбитая с головы шапка, становилась вызовом на поединок, а на торгах – являлась принародным обвинением в мошенничестве или воровстве. Брошенная же «оземь» означала, что в споре ее владелец ставит в заклад свою голову, а точнее – жизнь. На шапку нашивались награды, за ее подкладку прятались иконки и другие реликвии, важные донесения и деньги, поэтому потерять шапку мужчина мог только вместе с головой.

Фуражка или папаха играли важную роль в обряде сватовства, которое, обычно, начиналось со *«знакомства»*. Когда будущий жених, его отец и крестный заходили «чайку попить», то ни о сватовстве, ни о свадьбе не говорилось ни слова. Парень, вроде бы невзначай, клал фуражку на стол доньшком вниз. Если девушка переворачивала ее донцем вверх, то можно было свататься, а когда головной убор отправлялся на вешалку в прихожую – о сватовстве не могло быть и речи.

У казаков исстари бытовал и другой интересный обычай: девушка, не сберегшая себя до брака, не должна была таиться, даже если никто не знал о ее грехе. После сватовства приходил черед «сговора». И вот, когда полхутора толпилось во дворе, невеста была обязана снять нижнюю юбку и расстелить ее на пороге. Если жених, увидев эту часть женского туалета, все же переступал через порог, считалось, что он грех простил. Отсюда и понятие – *«преступить через грех»*. Войдя в горницу, где его ждала будущая жена, иногда с ребенком на руках, он снимал шинель или другую верхнюю одежду и накрывал ею женщину и малыша – *«грех покрыл»*. После такого жеста, все любители посплетничать прикусывали языки, боясь расплаты даже за невольное слово осуждения.

В южных губерниях России существовал обычай публичного освидетельствования невинности невесты. После первой брачной ночи с молодой жены снимали рубаху и тщательно исследовали. Затем ее со следами дефлорации вывешивали в избе на видном месте, а над крышей поднимали красный флаг.

Также существовал обычай «поднимать молодых». Новобрачная в одной рубахе вставала с постели и в таком виде встречала свекровь и родню мужа. Подобная демонстрация, восходящая своими корнями к языческим верованиям, имела цель публично удостоверить невинность невесты.

Скрытый же грех и супружеская неверность карались очень жестоко. За потерю чести провинившуюся девушку наказывали тем, что отрезали косу, пачкали рубаху дегтем и без юбки водили по улицам. Снохи могли с бранью выгнать несчастную со двора, избить до полусмерти и заставить троекратно ползать на коленях вокруг церкви. После такого позора ее уже никто не пытался взять замуж.

Бытовали и другие обряды. Так, после первой брачной ночи, по обычаю, теща подавала молодым блины. Первый блин молодожены должны были съесть вместе, с шутками да прибаутками, стараясь откусить как можно больше. После этого зять валился в ноги родителям невесты, благодаря их за жену. Но бывало и так, что, взяв блин из рук тещи,

зять складывал его треугольником, выкусывал середину и бросал дырявый блин теще на тарелку. Комментарии были излишними: брак считался несостоявшимся.

Семью планировала церковь. Веками отработанные принципы поста (а постятся православные более двухсот дней в году) предписывали воздержание и в супружеских отношениях. Это позволяло нашим предкам не только вести чрезвычайно размеренный и целомудренный образ жизни, но и быть желанными друг другу до глубокой старости.

Издревле на Руси каждый был обязан знать все *степени родства* и своих предков поименно. Этому помогали «Поминальники», которые хранились за иконой в каждой семье. Воспитание казака начиналось с семейных рассказов о жизни предков. На этом строился комплекс Чести и Славы, и только на втором месте за ним стояла Жизнь.

После женитьбы число родственников удваивалось. К кровным родичам добавлялись *свойственники*: тесть с тещей или свекор со свекровью, брат мужа – деверь, брат жены – шурин, сестра мужа – золовка, сестра жены – свояченица, жена брата – невестка, муж сестры – зять. Двое женатых на сестрах были свояками. Кроме того, бытовало словечко «своёк» – это очень дальний родственник, степени родства которого не могли счесть, либо просто земляк. Шабер – двоюродный или троюродный брат жены или мужа – очень дальняя степень родства. Это слово, пришедшее от славянского «сябр» – друг, иногда распространялось и просто на соседей.

Родство бывало «слоеным»: восходящим, нисходящим и боковым, наконец, законным и побочным. Так братья отца у казаков величались «дядьями», а братья матери – «дядьками». Тетка, которая занималась воспитанием ребенка, получала название «мамка» или «няня», остальные – «тетки». *Сводные* брат или сестра – дети вдовых или разведенных родителей, вступивших в брак. *Сокровные* (единокровные) дети – одного отца, но от разных матерей, *единоутробные* – одной матери, но другого отца, *молочные* – по отношению к детям кормилицы.

Глава рода (дед, отец или старший брат) был в семье полновластным хозяином: распределял и контролировал работу ее членов, к нему стекались все доходы. Аналогичное положение занимала мать в случае отсутствия хозяина.

В прежние времена семьи усаживались за стол *«чинно»*. Под образами, в торце стола обычно сидел «сам» – отец семейства. Слева от него старый и немощный отец, за которым сын почтительно ухаживал. Справа от «самого» сажали уважаемых гостей. Далее по обе стороны стола располагались сыновья и зятья. Затем размещались по возрасту дочери, снохи и внуки. Замыкала стол «сама» – жена хозяина. Рядом с нею сидели баушки и старшая «баушка» – мать хозяина дома или его теща. Из общей посуды пищу принимали молча, свято соблюдая принцип старшинства. Ели в два приема: сначала «юшку», затем, по стуку хозяина о край посуды, разбирали гущу. Мой отец вспоминал, что в семье его деда, нарушивший какое-либо из этих правил, получал, обычно, деревянной ложкой по лбу.

Вином во время праздничных *застолиц* обносили. Отсюда и разница в звучании слов «поднос» и «разнос». Поднос – изобретение новое, его легко можно поднять одной рукой, а разнос – это огромное блюдо с двумя боковыми ручками, который двое мужчин носят вокруг стола и разливают находящиеся на нем напитки. На казачьих землях от застолы, где собиралась вся семья, коренным образом отличалась *беседа*. Это особый вид празднования, когда собирались, в основном, ровесники – односумы (3.).

Старообрядцы, коих в казачестве было немало, даже служба в армии, ели каждый из своей посуды, им и раздавали первым. В гости они так же ходили со своими чашками и

ложками, а своим гостям подавали пищу в специальной «поганой» посуде. Кстати, это слово вовсе не было оскорбительным: слово «поганый» переводилось, как «иноверец».

Говоря о степенях родства, следует упомянуть и о таком понятии, как «кумовство». *Покумиться* - означало стать свойственниками через крещение детей. Крестные отец и мать между собой и по отношению к родителям крещеного становились кумовьями, а это считалось духовным родством. Интересна еще одна особая обрядность, которая делала близких друзей «братьями в духе» или «названными братьями» - *побратимство*. Ведь прежде побратим приравнивался, а зачастую почитался ближе родных братьев.

Так родство, свойство и побратимство веками сплачивали наших предков, помогая им преодолевать трудности, презирать опасности и побеждать в сражениях, защищая Отечество.

* * *

Богатым на трагические события оказался для России и казачества двадцатый век... Однако далеко не обо всем рассказывают нам школьные учебники. В канун Великой (первой мировой) войны в России насчитывалось 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское, а также полки иркутских и красноярских казаков. Все вместе они поставили на фронт 164 конных полка, 78 батарей, 30 пластуных батальонов, 175 отдельных сотен, 78 полусотен и другие части, общим числом свыше 300 тысяч человек. К сожалению, сквозь густую пелену времени теперь трудно разглядеть подлинные лица участников тех событий, однако, в той войне были и славные победы, и настоящие герои. Без преувеличения – нам есть чем гордиться! Только обидно, что мало кто сегодня об этом помнит.

Когда в 1917 году в стране произошла череда революций, сопровождавшаяся свержением самодержавия, попранием православных норм морали, развалом народного хозяйства и руководства действующей армией, фронт держался практически на одних казачьих частях: в их подразделениях большой редкостью были случаи дезертирства или убийства своих командиров...

Большевистское же руководство считало зажиточных и вольнолюбивых казаков опорой контрреволюции, заплатив им за стойкость, мужество, многовековое преданное и славное служение своему Отечеству страшными репрессиями, искусственным голодом и... забвением их истории. Однако, бывшее всегда с нами. Оно постоянно живет в том, что мы любим и чем дорожим. Будущее, как ни странно, - тоже реальность: оно рядом, совсем близко, просто мы его пока не достигли, мы еще в пути. Но оно – есть: манит, зовет, предостерегает, учит и заставляет задуматься. Словом, ждет нас. И мы спешим к нему, сквозь пространство и время, встречи и расставания, радости и горести бытия, каждую секунду, всю свою жизнь. Давайте войдем в него с добрыми мыслями и чистой совестью, так, чтобы после нас не пришлось проветривать залы и подтирать паркет!

На этом позвольте закончить вводную часть и далее рассказать вам о семье моей бабушки - казачьем роде Чекмаревых. Я уверен, что на примере истории своих предков легче всего понять историю собственной страны.

ЧАСТЬ 2. КАЗАЧЬЕМУ РОДУ НЕП ПЕРЕВОДА!

Станица

Верхнедонская станица Михайловская находилась на левом низком берегу реки Хопер, в двадцати верстах от окружной Урюпинской. Деревянные дома жителей стояли, в основном, на каменных фундаментах, некоторые снаружи еще обкладывались кирпичом. Крыши были покрыты железом, тесом или камышом.

Окна – это очи любого жилья. Они дают представление о жизни семьи, через них не только мы смотрим на мир и людей, но и они взирают на нас. В станице оконца, как правило, украшались резными многоцветными наличниками и приветливо взирали на широкие прямые улицы. В жаркий день с солнечной стороны их загораживали ставнями или завешивали плотными темными шалами, а дверные проемы закрывали от мух легкими тканями.

В зимнее время жилища освещались сальными свечами и масляными лампами. Отапливались дома дровами и хворостом, стеблем подсолнуха или кизяком, для приготовления которого существовал нехитрый деревянный станок, прессующий коровий навоз в аккуратные брикеты.

Питьевую воду брали прямо из реки, и была она чистой и вкусной.

В семьях трудились все поголовно, выполняя работу, соответствующую своему возрасту. Даже малолетние дети приучались стеречь скот, быть погонщиками при вспашке земли, носить старшим обеды в поле.

На сенокосе частенько работали *"миром"*. Говорили: «Коли работать вкупе, то не болит в пупе». Во полдень кто-нибудь выставлял *"маяк"* – платок на длинном шесте. Это означало, что он приглашает земляков отобедать. На следующий день «маяк» вывешивал другой казак, и все отправлялись трапезничать к нему, прихватив заодно и всю свою нехитрую снедь.

Праздников было много, и они являлись неотъемлемой частью казачьего быта. Веселились красиво и азартно. На Масленицу и Троицу практиковалась *ссыпчина*. Станичным кругом избирались гулебный атаман, есаулец с приставами и колымага-виночерпий. Гулебный атаман отвечал за пристойность всего мероприятия. Исполнителями его приказаний и поручений были есаул и приставы. Колымага отвечал за быков, а также за сани или телегу с многоведерной бочкой, наполненной вином.

По летним праздникам на берегу Хопра собирались стар и млад. Приходили семьями, но после этого почти не общались: мужчины садились с мужчинами, а женщины шли к женщинам. Традиционно общество разделялось на три малых круга: малолетних, взрослых и стариков. Детишек кормили обедом, угощали сладостями, после чего заставляли плясать для общей потехи. Молодежь развлекалась по-своему: беззаботно веселилась, играла, водила хороводы и пела. Ах, что за прелесть – наши казачьи песни! По палитре звуков и богатству оттенков им нет равных! Льющееся, словно безбрежная и плавная река, задушевное многоголосье: то бесшабашно-удалое, то грустно-протяжное, предельно простое и близкое каждому честному сердцу, но одновременно сложное, как и все наше житье.

Взрослые ели, пили и забавлялись, демонстрируя казачью удаль и сноровку в "рубке лозы". Вино употреблялось вкруговую, то есть из одной чарки (4.), которой черпали из ведра. Если кто-то "слабел" – ему больше не наливали. Чарка принадлежала лично колымаге, и он отвечал за ее сохранность. Потеря чарки считалась весьма серьезным проступком, за который виночерпия лишали должности, как говорили - "казны не блюдет".

Старики обычно мирно беседовали в сторонке о чем-то своем, задумчиво откуриваясь от комаров, а выпивали, как правило, не до дна и очень мало.

Вечером женщины уводили детишек домой, а мужчины могли остаться бражничать до утра. Частенько кто-то из членов семьи приглашал всю родню к себе на утро опохмелиться. Так на следующий день начиналось «хождение по сабе», то есть каждый из участвующих зазывал компанию в собственный курень. Обычно договаривались, чтобы у очередного хозяина выпивать не более двух-трех шкаликов. Такое веселье могло растянуться на добрую неделю. Думаю, недаром на гербе Всевеликого Войска Донского изображен загулявший казак верхом на бочке вина... Казаки не видели вреда в хмельных напитках. Зло для них было лишь в чрезмерном их употреблении. Дело в том, что Библией вино восхваляется, как Божий дар, веселящий сердце человека, а отсутствие вина считается наказанием. Христос не случайно превращал воду в вино на свадьбе в Кане Галилейской. Наконец, вино как элемент евхаристической вечери являет собой кровь самого Иисуса. Таким образом, умеренное его употребление для христианина есть повод к благодарению и напоминание о жертве, являющейся источником спасения и вечной радости. Отсюда и одобрительные поговорки: «Чарка вина - прибавляет ума», «Чарку пить – здорову быть», «Пьяного да малого бог бережет», «Тот не пьян, у кого шапка на голове», «Пей, но дело разумей», «Пьяный проспится, дурак – никогда». Мой прадед, например, приговаривал: «Любо пить за столом, стыдно пить за столбом».

«Слава тебе, Господи, что мы – казаки!»

Семилеток Васятка явно не собирался спать, и в его зеленых глазах кошачьим блеском сверкало плохо скрываемое лукавство.

– Дедуля, а откедова мы – казаки взялись?

Дед Алексей потурсучил седую бороденку, поглядел слезящимися глазами на мерцающую перед Спасом лампадку и негромко произнес:

– А мы, внучек, веками были, теперь есть и всегда будем! Еще мой дед говаривал: казачьему роду – нет переводу! Наш служивый народ прежде всех в Господа Бога уверовал и добровольно принял обет оборонять Русь от поганых и супостатов.

Старик поправил нательный медный крест на гайтане, сплетенном из суровой нити, и продолжил:

– Мы служим Господу через служение Царю, Отечеству и своему народу, ради этого и ты явился на белый свет. Ты – казак по корню. Люби, родимый, все, что с ранних лет кровью впитал в вольных степях наших. Люби Россию, ибо она мать твоя, и ничто в мире не заменит ее...

Знаешь, если ранним утром приложить ухо к нашей земле и прислушаться, то обязательно раздастся ее голос – тихий зов. Только нужно очень-очень захотеть его услышать. Землица иногда шепчет, бывает – вздыхает, случается – поет, а иной раз – стонет и плачет. Только нужно уметь ее понять. Я много раз делал это в своей юности...

Когда исполнится твой год идти на службу, служи честно и всем сердцем. Так поступали твой отец, я – твой дед, и все наши предки. Не срами наше Донское казацкое войско. Выше всех благ и самой жизни ставь казачью волю! Только знай: воля – не своеволие! Лихость – не разбой, а доблесть – не жестокость. Помни: храбрые – завсегда добрые, потому как они – сильные! Не трать души на ненависть. Не мсти, а оставляй врага своего на суд Божий, и будет он скор да справедлив. И последнее: равняйся на первых и учись у бывалых. В жизни обычно так: коли на час ума не хватит – на весь век дурнем прослыть можно...

– Деда, – испуганным шепотом произнес малыш, – а ведь на войне меня могут убить...

– Бояться смерти – глупо, – немного помолчав, ответил дед, – от нее, внучок, не убережешься. Смерть – дело рядовое: Бог вкладывает в нас душу, он же и вынимает. Всяк, кто жив – помрет, зато все мертвые – воскреснут. Иное дело, знать: "как" и "за что" погибать. Уходить всегда следует достойно.

У человека всегда есть выбор: во что верить, каким путем пойти, кем стать и как жить. Но для каждого нашего поступка существует беспристрастный судья и справедливый внутренний закон, имя которому – совесть. Она-то и есть настоящий глас Божий.

По моему разумению, жизнь человека укорачивают злоба, зависть и жадность. А умереть в азарте боя, внучок, да еще на глазах станичников совсем не страшно. Это – легкий конец. К тому же храбрец погибает лишь после третьей смертельной раны. Я сам тому свидетель...

Заметив, как широко распахнулись от удивления глаза мальчугана, дедушка кашлянул в кулак и продолжил:

– Служил в нашей сотне казак Смекалов. Седой уже был мужчина, но крепкий: врага, случалось, мог до седла разрубить. И вот как-то раз пошли мы в дозор и попали в засаду турок. Недолгим был тот бой, но дюже кровавым. Я дрался рядом и потому хорошо видел, как он отбивался одновременно от четырех осман. Одного Смекалов заколол пикой, другого зарубил шашкой, третьего выбил из седла кулаком, а сам умер только после третьего выстрела в грудь.

Дед Алексей склонился, чтобы поправить подушку Васятки.

– Просто беда с тобой, неслух. Ночь на дворе, а ты все балуешь, – с напускной строгостью ворчал он. – Ну, спи-лежи – государь пришлет казны.

Дед замолк, неподвижно и сосредоточенно вглядываясь в лоскутное одеяло внука и, видно, увязнув памятью в чем-то очень далеком, заветном, но жизненно важном.

– Как же быстро ты промелькнула, моя жизнь! – с грустью думалось ему. – Сверкнула, как обнаженный клинок на солнце, и вот пришла пора вкладывать тебя обратно в тесные черные ножны. Да, пора под заступ. Тело в тесноту, а душу на простор...

В его бытность все молодые люди, достигнув семнадцатилетнего возраста, записывались в «малолетки» на два года. За этот срок юноша снаряжался и обучался военному делу для прохождения строевой службы в войсках. По достижению девятнадцати лет малолеток приводили к присяге и зачисляли в казаки.

Когда самому Алексею приспел срок отправляться на службу, гонец, посланный отцом, созвал в родительский дом всю родню.

День уже перемахнул через свою середку и стал коситься на закат. Зной помаленьку убывал, но западающее солнце еще щедро изливало свою патоку на благодатную донскую землю. Алексей с отцом встречали на пороге гостей, приветствующих хозяев: «Богу хвала, а Вам честь и слава», и провожали к столу. Женщины суетились с чугунками, глиняными мисками и деревянными ложками. Наконец, чиновно расселись. В переднем углу, возле главы семейства, оставили место для виновника торжества. Возле печи, дабы никто «не печалился», гостей не усаживали.

Наконец отец встал, оглядел собравшихся и произнес:

– Помолимся, православные, – и все обратились к образам.

Затем хозяин обнес присутствующих водкой "по старшинству", и всякий, взявший чарку, кланяясь ему и всей компании, выпивал.

– Запомни мой родительский наказ, Алешка, – говорил отец, когда все родственники и знакомые были уважены, – казаком нужно родиться, казаком нужно стать, казаком нужно быть! Только тогда обретешь Царствие Небесное и Славу в потомках! Желай по силам и тянись по достатку. Чего сам не любишь, того и другим не чини. За себя умеи постоять, да за других заступись. Служи – верой и правдой, в бою будь тверд и бейся храбро, пока стоишь на ногах. Исполни, что обещал и что приказано. Опасайся трусости и измены, чтобы не быть тебе проклятым и не погибнуть во веки: лучше умереть, чем опозорить свой род. В неправое дело не мешайся, никого не обижай, на чужое не льстись, дабы Бога не прогневить и за неправду души своей не погубить.

Гости одобрительно закивали и выпили.

После третьей чарки начался обильный обед. Беседа становилась все оживленнее и, наконец, кто-то затянул песню:

*Рюмочка по столику похаживает,
Чарочки с похмелья всю ночь говорят...*

Вышли плясуны и начали выделывать ногами замысловатые коленца.

Постепенно все захмелели. Стало шумно и весело. Песни лились громче, хор сделался нестройным и разбился на несколько компаний.

А что это за гулянье –

*За ворота да назад?
А по-нашему гулянье –
Три дня дома не бывать...*

Бутыльничать продолжали до поздней ночи. Наконец, приняв на «ход ноги», все разом встали, со смехом да прибаутками подняли тех, кто уже уснул, поблагодарили хозяев за хлеб-соль и двинулись к выходу. Для потехи сунули кому-то в карман хозяйскую ложку и, уличив "в воровстве", начали с хохотом срамить и даже пытались шутейно высечь виновного...

– Ну, ты давай – дремай, а то подпружкой получишь, – обратился дед к внуку, заметив, как шаловливо поблескивают его глаза.

Васятка улегся поудобней, придал своему лицу выражение, будто вот-вот заплачет, и заканючил:

– Дедуля, расскажи еще!

– Тогда, егоза, послухай сказку, – улыбнулся тот, посветлев в лице. Глубокие складки вокруг его рта разгладились, а от мгновенно помолодевших глаз, как от солнышка, потянулись в стороны морщинки-лучики. Ласково потрепав заскорузлой ладонью выгоревшие вихры внука, дед напевно начал:

– В стародавние времена, когда злые басурмане и латиняне задумали изничтожить истинную Православную Веру, спустился Христос на землю и стал искать себе защитников.

Вот воззвал Христос к дворянам, забавлявшимся в ту пору охотой:

– Кто хочет стать за Христову Правду?

И ответили дворяне:

– Мы! У нас и доспехи боевые, и любое оружие, и добрые кони! Вот только охотничьих собак сперва соберем, а то они дюже дорогие.

И воззвал тогда Христос к купцам, а те загуторили:

– Мы готовы! Зараз только барыши посчитаем, лавки запрем, опосля можно и в бой!

И воззвал Христос к крестьянам:

– Кто пойдет на битву за Веру Православную?

– Какая битва?! – удивились мужики, почесав затылки. – Неужели нельзя все миром уладить? У нас пашня простаивает – сеять пора.

Тогда пришел он к ремесленникам и молвил:

– Кто станет в защиту мою?

Но ремесленники из-за грохота машин и молотов его даже не услышали.

Заплакал Христос и воззвал со слезами:

– Где вы, воины мои? Есть ли кто на Руси, кто постоит за Веру Христову?

И услышали казаки: вмиг кинули они все дела и стали кто где был и в чем есть. Рыбак оставил сети, охотник ловы, пастух стадо, отец свой дом, жену и детей. И все разом ответили:

– Вот мы, Господи!

И сказал тогда Христос:

– До той поры не исчезнет с лица земли народ сей, доколе готов он будет по первому же зову вставать за Веру Христову, за Русь Православную! Да не пресечется век его, и на страшном суде за это от многих прегрешений, вольных и невольных, оправдан будет!

Дед Алексей поглядел на внука. Тот лежал тихо, хоть и не спал. Видимо сказка затронула нужные струнки его детской души.

– Смышленный пацаненок, – с теплотой подумал о нем дед, – Пора отдавать его в ученье, а там, глядишь, служба не за горами, – и вздохнул.

«Отцовская» каша

В собственном доме дед Алексей был несколько удален от семьи, и хотя обожал своих внучат, старался не надоедать домочадцам своей строгой стариковской любовью. Жил он особняком, никому не мешая, в отдельном углу, спал на старом сундуке, в семейные дела старался не лезть, обременяя невестку только тем, что сдавал ей свое белишко после бани. Дома он бывал мало: в хорошую погоду чаще всего сидел с другими стариками на скамье возле соборной ограды, или же в самой церкви, частенько хлопотал о бедных по просьбе атамана.

Старики в станице всегда пользовались заслуженным уважением и искренней любовью. Строевые казаки разговаривали с ними стоя, а станичники остальных возрастов – сняв шапку. Сами старики вставали со своей скамьи лишь тогда, когда в церковь приходил священник или полный Георгиевский кавалер. Атамана и наиболее уважаемых людей они приветствовали, приподнимая фуражки.

Старики у казаков больше, чем просто пожилые люди. Деда являлись памятью и совестью каждой станицы. Без их одобрения не исполнялись никакие распоряжения Атамана или Правления. Пожилой казак имел право похвалить или устыдить любого станичника. Он же мог просить Атамана о выдаче нуждающейся семье необходимой помощи. Передвигались по станице деда мало и неспешно, памятуя о том, что течение реки понятнее тому, кто неподвижно сидит на берегу, а не гонится за водой. Поэтому, когда по улице, опираясь на посох, куда-то ковылял старик, ему все без исключения уступали дорогу, ибо знали, что он следует по очень важному делу...

Незаметно воспоминания вновь овладели дедом Алексеем.

Лет сорок тому назад погожим утром бабьего лета сидел молодой Алешка, насупившись, перед полной миской ячневой каши и исподлобья смотрел на своего степенного отца.

– Ты пошто бычком глядишь? – спросил тот, перехватив тяжелый взгляд сына. – Надо исть: пустое брюхо к работе глухо, а у нас нынче дел – воз и три копенки.

– Жени меня, батя... – негромко попросил Алексей и тотчас потупился.

– Вот так заковырина, – отец отложил деревянную ложку в сторону, – эк, тебе приспело. И кого ж ты себе наглядел?

– Анастасию Градову...

Отец хмыкнул, встал из-за стола, сходил за кисетом и не торопясь свернул сигарку. Алексей подметил, что на его лице не было ни удивления, ни раздражения.

– Ты, парень, не томошись. Сперва подумай хорошенько, иль у тебя дупло в голове? – прикуривая от лучинки, спросил отец. – В этом деле – кто на борзом коне поскачет, тот скоро поплачет...

– Да я по ней, считай, с самой Пасхи сохну. Дозволь, батяня, жениться.

Отец с минуту молчал, глядя на свои большие мозолистые руки, а про себя думал: «Мне бы самому об этом заговорить, да вот сын первый начал... Свадьба, так свадьба – это дело нужное, а то за будничными заботами и не заметишь, как без покаяния помрешь».

– Ну что ж, хозяйство у ее отца справное, семья работающая, сама девка - в соку, – неторопливо перечислил отец, – я не против. Тебе время служить, а нам лишние руки в хозяйстве очень даже сгодятся.

Губы Алексея разъехались в счастливой улыбке.

– А с Настасьей-то гуторил? Хотя... – отец отмахнулся ладонью от надоедливой мухи, – в наше время у баб не спрашивали.

– Все недосуг, батя, да и не бывает она последнее время нигде, кроме церкви...

Сын лукавил: он частенько поджидал свою возлюбленную на берегу Хопра, куда она по несколько раз на день ходила за водой. Правда, разговоры по большей части получались у них какими-то пустяшными и недолгими, а после вопроса «люб ли я тебе?», девушка лишь смущенно улыбалась и, зардевшись, не промолвив ни слова, быстро убежала. Только что-то подсказывало парню, что она тоже ждет этих «случайных» встреч.

– А ты кинь ей шапку в окно, вот и вся недолгая... – посоветовал отец. – Исподволь и сырые дрова загораются.

Вечером того же дня Алексей битый час прохаживался мимо двора любимой, косясь на ее окна и чувствуя себя преступником и посмешищем одновременно. Цыкая на испуганно лающего на привязи кобеля, он с досадой думал: «Эх, а сколько у нас в станице таких же брехливых людей...»

Из дома за ним с интересом наблюдали удивленные глаза самой девушки и строгие – ее матери. Наконец, перемахнув через невысокий плетень и сделав несколько шагов по каким-то грядам, он с размаху швырнул свою новенькую папаху в горницу, когда из нее на минуту вышла мать. Присев под резным оконцем на корточки, он слышал, как удивленно ахнула девушка, но не отправила ее тотчас обратно, а, видимо, куда-то прибрала.

– Значит, можно засылать сватов, – отметил про себя Алексей и без оглядки бросился к своему дому.

Сваты пришли в дом Градовых в ближайшее воскресенье.

– Люди добрые, не прогневайтесь, парень-то наш шапку где-то обронил, вы, часом, не находили? – начали они свои сладкие речи.

– А нам ни сиво – ни буро, – невозмутимо отвечал тушистый и седоватый хозяин Михал Нилыч, – находили тут какую-то, вона в сенях висит, нехай возьмет и боле не теряет.

Алексея, как варом обдало, сказанное означало, что сватовство может не состояться: родители невесты брак почему-то не одобряют.

Не растерявшись, один из сватов возразил:

– Энта вещь не наша, посмотрите-ка лучше, – тем самым, намекая, что между парнем и девушкой, возможно, существует сговор, и жених может попытаться выкрасть невесту, опозорив тестя.

Хозяйка дома громыхнула в печи ухватом и недовольно пробурчала:

– Завидна девка в доме, да горох в поле: кто не пройдет, всяк норовит ущипнуть...

Не желая скандала, отец прикрикнул на жену:

– Тихо! С твоим умом только в горохе и сидеть. У тебя, гляжу, и так меж глаз церква сгорела.

И обращаясь к гостям:

– Бывает купец и на худой горнец, а наша-то дочь смиренна, как агнец, делова, как пчела, красна, что райская птица и верна, что горлица. Да и годы ее не велики: хлебом-солью отца-мать пока не объела.

Затем, помолчав, кликнул дочку, и напрямую спросил:

– Настасья, ты замуж хочешь?

– Из воли родителя не выйду! – прошептала побледневшая девушка, не смея поднять глаз.

– Тогда подай-ка гостям находку, – вздохнув, сказал хозяин.

Девушка поднесла папаху доньшком вверх, что означало, что она согласна выйти за Алексея... После чая и угощений ударили по рукам.

А на Покров, при большом стечении народа, батюшка уже пел: "Венчается раб божий Алексей рабе божией Анастасии..."

Выходя из церкви, новобрачные прошли в арку из двух обнаженных клинков. Это называлось «пройти под шашками» и напоминало им о славном предназначении казачьего рода. В нескольких шагах от этих «ворот» два казака держали над головами молодых снятые с головы папахи. Прохождение под ними означало наделение семьи и ее потомства всей полнотой прав и гарантировало защиту общества. А после того как над обвенчанной парой белоснежной аркой взлетел длинный рушник – символ семейных традиций, на них обрушился дождь пшена, хмеля, конфет и мелких монеток.

Когда «свадебный поезд» начал свое движение, казаки отчаянно джигитовали: на всем скаку подхватывали брошенную наземь шапку, делали стойки на крупе лошадей, заползали им под брюхо, выхватывали из толпы молоденьких казачек. На украшенном красными лентами тарантасе новобрачные подъехали к дому жениха, где на крыльце их встретили родители и благословили хлебом, разломив над головами большой праздничный каравай.

Угощение было обильным и разнообразным. Вино лилось рекой, а сродники жениха и невесты соревновались: кто кого перепляшет и перепоеет. Дома молодой жене расплели девичью косу и закололи волосы на затылке.

Во время "раздачи каравая" дружка обратился к родителям и гостям с речью: "Сыр-каравай принимайте, а молодых одаряйте". Отец Алексея пригладил окладистую бороду и со словами «Без коня казак кругом сирота» подарил сыну жеребца с седлом – на будущую службу, а свекор со свекровью – символическую нагайку и корову в хозяйство: «Как в поле растет трава, так пусть растет и ваше добро»...

Медом потекли счастливые деньки. По началу молодых работой не загружали, устроив из первых месяцев сплошной праздник:

– Гуляйте, милые, покудова детушки не пошли. Пойдут детушки – потянут силушки, – говорила мать Алексея.

Да, дети – это не только радость родителей. Они, безусловно, – счастье и гордость, но одновременно – тревога и беспокойство, постоянная кручина, жалкость и сердечная боль. После рождения каждого ребенка Алексей подолгу размышлял о том, какая же судьба выпадет его кровинушке, какие испытания и страдания она ему припасла: походы, битвы, раны, а может мученическую смерть?

Всякий раз, вталкивая в себя абсолютно несъедобную подгорелую и горько-соленую "отцовскую" кашу (5.), Алексей тихонько молился:

– Господи, отведи от моего дитя все беды и слезы!

– Деток родить, не веток ломить: солоно да горько рожать, – подтрунивали над ним бабы, – а ты ешь, пока роток свеж, как увянет – ничего не заглянет!

Не один раз за свою жизнь он убеждался в истинности и другой поговорки: «Малые детки – малые бедки, а вырастут детки – станут большими бедки»...

Бог дал Алексею девятерых детей. Но как говорится: детушек воспитать – не курочек пересчитать. Трое из них умерли во младенчестве от поветрий, а перводанный сын не вернулся с войны. Двух остальных сынов он благополучно женил, а дочерей - выдал замуж. Васькин отец был младшим – «мизинным», с ним, по обычаю, дед и остался доживать.

Первенца Николушку Анастасия родила в бане, которую Алексей за неделю до этого события выстрогал заново – добела. Во время обряда первого купания повитуха приговаривала:

– Шла баба из заморья, несла кузов здоровья: тому-сяму кусочек, а тебе весь кузовочек.. Как с гуся-лебедя вода, так с тебя, казак, вся худоба...

Когда сын переогодовал, крестная усадила его на кошму и первый раз в жизни остригла... Волосы, по поверью, всегда связаны с магией. Они считались важнымместилищем жизненной силы. И не оберёшься беды, если состриженный и брошенный волос подберёт недобрый человек...

Чтобы отсечь волосики ровно, мальчику надели на голову горшок, и все "лишнее" аккуратно подравняли по его краю. Срезанные волосы домашние тщательно собрали и "похоронили" в саду под яблоней.

– Как видела тебя под крестом, так желаю увидеть и под венцом, – прослезилась крестная.

Затем уже крестный взял ребенка на руки и понес на майдан к неоседланному скакуну. Усадив мальчугана на цветастый шелковый платок, неспешно провез его вокруг церкви. Испуганный малыш попытался ухватиться за конские пряди, но вот незадача – в ритм конскому шагу сперва накренился набочь, потом медленно стал сползать вниз и громко расплакался. Мужчины подхватили его, но еще долго вздыхали и перешептывались: такая примета предвещала казачонку смерть в бою.

– Любо, гривку цапнул! – чуть позже объявили они женщинам, не желая их расстраивать, – жизнь будет долгой и казаком станет добрым.

У дверей церкви ребенка принял сам Алексей и пошел с ним к Причастию. А на выходе кум накинул на крестника сабельную портупею, и с ней донес до самого дома. Передавая матери, сказал: "Вот тебе казак. Я зараз схороню до поры оружие, а ты его самого береги. Как вырастет немного, обучу ратному делу".

В три года Николка получил свои первые в жизни штанишки с лампасами да скрещенными на спине оплечниками и стал потихоньку обучаться верховой езде на самой смирной лошадке...

– Куда как хорош! – улыбаясь, всплескивали руками старики. – Николай Ляксеич, да ты никак в шароварах?

– А то! – раздувался от важности карапуз. – Я уже большой!

– Ну, знать, отец тебя по осени непременно женит!

– Потерпится, – смущался Николка, – я сперва на службу схожу, – и по отлогой стежке убежал к реке...

Крепким рос мальчонка, смелым и отчаянным. С детства верховодил он сверстниками, был затейщиком новых игр и разных проказ. Не боялся ни черта, ни дьявола. Однажды, провинившись, заявил хмурившему брови отцу:

– Если выпорешь меня, тятя, то я назло тебе отморожу уши!

Алексей от смеха чуть со скамьи не свалился. Но, не смотря на некоторую строптивость, родители в сыночке души не чаяли...

В положенный срок пошел он на службу. За храбрость и отвагу получил чин подхорунжего.

– Наш сын-то теперь – «Ваше благородие»! – хвалился соседям Алексей. И гордился...

Погиб Николай где-то на полях Маньчжурии во время русско-японской. Хоть и говорится, что материнская молитва со дна моря вынимает, все же земляк-однополчанин привез и вручил несчастным родителям его медали и простреленную фуражку. Мать, Анастасия Михайловна, такой беды снести не смогла... Горе-горькое уходило ее за неделю...

Память вновь листнула страничку назад...

Ниточка судьбы

Когда на первом году строевой службы Алексей впервые протянул руку за пайкой водки, глава застолья вахмистр Недорубов, отирая башлыком свои пышные усы, насмешливо произнес:

– Ныне молодежь – погляди да брось! Ишь, каков – сам в ухо одинец вдел, – ткнул он пальцем в сергу Алексея, – опосля этого еще и на чарку зарится. Сгасни отседова! Сядь в сторонке и наворачивай кулеш: ты еще своих ребятишек на свет не родил.

Расположившиеся вокруг походного костерка станичники беззлобно хохотнули.

Да, частенько, с теплотой и нежностью вспоминал Алексей свою молодую жену, мысленно приговаривая:

– Хозяюшка в дому, что оладышек в меду. Как ты там, курочка моя нетоптаная?

Супругу он старался не обижать и всего раз за всю совместную жизнь пришел домой пьяненьким. Жена была, как обычно, приветлива: не сказав ни единого слова в упрек, помогла ему снять сапоги и раздеться, но спать легла отдельно.

– Не серчай, – сказала она с улыбкой, – но я хочу, чтобы у нас были здоровые детишки.

С тех пор Алексей старался во всем блюсти «свою меру».

Первый свой бой Алексей принял во время русско-турецкой, находясь в составе третьей сотни 23-го Донского казачьего полка. Перед боем бывают минуты, когда за свою жизнь боятся даже самые отчаянные. В сражении этот страх обычно проходит, но, случается, что и усиливается...

– Чтобы ни случилось, – учил молодых Недорубов, – умирать, братцы, нужно с достоинством. Веселиться по жизни всяк умеет, – говорил он, – а ты попробуй душу Богу отдать весело!

Накануне сражений на Шипкинском перевале, сослуживцы Алексея побратались целым взводом. Перед сном собрались они возле походной церкви и, помолившись, обменялись крестами, нательными рубахами да ладанками с родной землицей. Обнялись и

расцеловались. У многих на глазах блестели слезы. Земляки знали, что предстоят страшные бои, и не всем суждено вернуться с чужбины на родину.

– Ручаемся, братья, все по одному и каждый по всех, – проговорил вахмистр Недорубов, – теперь даже на Страшном суде стоять нам плечо к плечу и вместе давать ответ Господу. Наказание тоже примем равное. И пусть эта круговая порука удесятрит нашу отвагу в будущих сражениях. С нами Крестная сила, казаки, с нами Бог и все святые Его! Убьют – забота не наша! Удача – брага, неудача – квас, кто кого переживет, тот того и помянет. Аминь!

Ранним утром, когда многоцветная радуга ярким рушником соединила, но не примирила воюющие стороны, казаки пошли в атаку. Эх, казачья лава! Слово крылья вырастают у боевых коней, а седок со скакуном становятся одним целым – грозным и неустойчивым существом. И летит оно на погибель врагу, с гиком и посвистом, сквозь огонь и дым, почти не касаясь земли. Сил и смелости добавляет память о славных родичах, героически павших в боях, посаженных врагами на кол или живьем сваренных в кипящих котлах. И нет другой, кроме смерти, силы, способной сдержать этот удар и порыв, остановить железную казачью волю!

Много крови пролилось в том бою... Зеленый луг стал напоминать страшный погост без крестов и могил, на котором было разбросано множество убитых и умирающих бойцов. Уже вечером, разыскивая и перевязывая раненых однополчан, Алексей понял, насколько отвратительна и безобразна любая смерть. Убивать без привычки трудно, а привычка убивать – смертный грех. Однако человек ко всему приспосабливается. Со временем Чекмарев привык и к этому: обветрился, зачерствел душой. А как же иначе? Ведь на войне или ты, или – тебя...

Война – это узаконенное убийство, беспощадное злое действие, жестокость и коварство, ненужное людское самоуничтожение. У войны нет лица, у нее – отвратительная хищная личина. Она, словно огнедышащий дракон, испепеляет города своим смрадным дыханием, пожирает людей и коверкает человеческие судьбы. Война не может быть красивой, поэтому и не стоит ее романтизировать. Но она бывает справедливой и даже священной, а в такой войне – грех не участвовать. Как говорится, «добро должно быть с кулаками» да ещё – «время горшки лепить и время их колотить».

"Нет большей любви, чем жизнь положить за други своя", – сказано в Библии. И когда смерть приемлют на взлете молодой и красивой жизни, добровольно жертвуя ею за веру отцов, добро и справедливость, то на земле остается после тебя особый яркий след, так называемая «светлая память». Твое доброе имя с благодарностью вспомнят современники и потомки, а твоя чистая душа будет мирно покоиться где-то возле самого Христа...

Нельзя утверждать с полной уверенностью, но примерно так думал Алексей в ту пору и воевал по принципу: "либо в стремя ногой или в пень головой".

Воля Господа все преодолеет...

Особое уважение однополчан пришло к Лешке Чекмареву после того, как однажды под Плевной, когда их небольшой отряд попал в засаду басурман и был перебит, он вынес на себе раненого сотника Молчанова. К слову, в той схватке пал и верный конь Алексея, подаренный отцом.

С гор дул холодный пронизывающий насквозь ветер: хлестал по лицу, слезил глаза. В горле клокотало, во рту разлилась сухая полынная горечь, а губы спеклись в потрескавшуюся корку. Грудь болела от частого дыхания, и в глазахплыли лиловые круги. Походка сделалась тяжелой и шаткой. На плечах - истекающий кровью офицер, под ногами острые камни, о которые постоянно приходилось спотыкаться. Так, согнувшись в три дуги, оступаясь и поскользываясь, Алексей блуждал всю ночь.

Да, верно говорили в сотне: "пеший конному не товарищ". К тому же, это была не та вихрастая и белокурая степь, что, как давнему другу, кивала ему с детства каждой былинкой, а соцветиями пижмы и тысячелистника смахивала с ребячьего тельца обиды, тревоги и усталость. Ее ковыльные волны всегда будили воображение мальчугана и приглашали то в морское путешествие, то в заоблачный полет. Широкая и бескрайняя степь – она веками была домом, кровом и постелью казака. Да, своя земля и в горсти мила, но здешняя - горячая, покрытая жиденькой травкой, и вспоротая отрогами Балканских гор, выглядела совершенно чужой. Вспоминались слова стариков: чужедальняя сторона - горем ты посеяна, слезами поливана, печалью горожена»...

Солнце опустилось за перевал, и все вокруг накрыла недобрая знобящая мгла. Огонь разводить было опасно: следом могли идти османы. Алексей брел наугад. Раненый в грудь командир тихо стонал и постоянно просил воды, а ее-то и не было. Одно время гром начал переключаться с горным зыком, но дождя так и не случилось...

А ведь, кажется, только вчера, в станице, были и другие вечера, которые ласково кутали его в теплый сумрак и заботливо обнимали, как матушка перед сном в раннем детстве. Дома все казалось иным, даже ветер. В родной сторонке этот веселый озорник никогда не был таким злым и колючим, но сегодня его резкие порывы студеным обручем сжимали непокрытую голову казака и давили на грудь трехпудовым мешком.

Уже глубокой ночью, во время очередного привала, обессиленный Алексей понял, что идти дальше с такой ношей он не может. В ту минуту он чувствовал лишь опустошение, отчаяние, злость и досаду на собственную беспомощность. Ему хотелось только одного: бесконечно долго лежать, вот так, закрыв глаза...

Давно замечено, что невзгоды побуждают к молитве. И вот, осознавая умом предательскую слабость своего тела, Алексей, стиснув зубы, привстал... Пошатываясь, он сделал ватными ногами пять-шесть шагов и воткнул меж камней свою шашку - дедов подарок. Нахлобучив на нее вынутую из-за пазухи черную шапку с защитой за подкладкой маминой иконкой, бухнулся перед ней на колени:

– Господи Иисусе, спаси и сохрани! Прости грехи мои вольные и невольные... – говорил он всем сердцем. – Облеки мя, Всемогущий, крепостью своею и дай силы выдержать сие испытание!..

По пыльным щекам побежали слезы. Алексей их не только не стыдился, но даже не замечал. Вконец измучившись, он дал слабину и в тот роковой момент подсознательно попрощался с молодой жизнью и родными, отпевая сам себя.

– Слышишь ли ты меня, Господи?! – в отчаянии хрипел он совершенно севшим голосом. – Яви нам милость твою, не дай пропасть на чужбине!..

Ткнувшись лицом в жесткую неласковую землю, Алексей вдруг, как сквозь сон, почувствовал знакомый запах... Нащупав и рванув на себя жесткий травяной стебель, он вдруг задрожал от счастья и громко рассмеялся: это же – полынь! Такая привычная, известная с раннего детства, степная полынь – Емшан-трава. Та, что хранится за иконами и в ладанках, та самая, которую дают в руку погибшему казаку за неимением погребальной

свечи. Полынушка - духмяная и горькая, словно непростая казачья доля... Ты, родимая, есть в каждом доме, как оберег от нечистой силы и лекарство от сорока недугов. На твой волнующий запах слетаются души предков, твой терпкий аромат восходит к Богу не хуже самого ладана.

– Вот теперь я обязательно дойду до своих, – твердо сказал себе Алексей, – Господь о нас помнит!

И дошел: на грани обморока, весь в крови, грязи и ссадинах, с изодранными локтями и коленями, в напрочь разбитых сапогах. Впоследствии, когда ему приходилось вспоминать этот случай, Алексей неизменно приговаривал: «Кабы не Бог, то кто бы нам тогда помог?» За геройский поступок Алексей был пожалован в урядники и награжден Георгиевским крестом.

– Вот так-то из рядовичей в атаманы выходят, – сказал ему, по-отечески улыбаясь, полковой командир.

Удача на войне весьма переменчива. Верить ей не след – подведет, обманет. Где-то через месяц, в другом бою Алексею большим осколком серьезно повредило левую руку ниже локтя: вспороло кожу, разворотило плоть. Странно было смотреть на нее, чужую, словно ненастоящую, со скрюченными не слушающимися пальцами и черно-синими ногтями. Из раны торчали отломки белой кости. Боли сперва не было. Обильную кровь казак унял, закрутив руку выше ранения кожаной уздечкой.

После был походный лазарет, где среди сестер милосердия, фельдшеров и важных докторов, он запомнил пожилого, но очень энергичного врача по фамилии Пирогов, к которому все относились с огромным почтением, называя его «чудесным доктором». Раненые придумывали о Николае Ивановиче удивительные истории. Говорили, что он пришивает увеченным оторванные руки и ноги, а из двух убитых способен «собрать» одного живого. Этот невысокий доктор, обладающий рыжеватыми бакенбардами, ноздреватым носом и косоватыми глазами, никогда не скупился на сочувствие и доброе ободряющее слово раненому, не страшился никакой работы, если она была на благо больного, и требовал того же от своих подчиненных. Однажды, в окружении десятка суетящихся лекарей, он остановился возле постели Алексея. Ему кратко изложили историю ранения Чекмарева.

– Как дела, кавалер? – спросил профессор и по-доброму открыто улыбнулся.

– Благодарствую, ваше превосходительство, – молодецкато начал Алексей, но вдруг, остановился и, набравшись храбрости, заговорил уже не по уставу, – ...вот только наши доктора не могут мне руку поправить. Может, вы попробуете? А то ни пахать, ни косить она теперь не годится.

Кто-то из сопровождающих персон состроил зловещую гримасу и показал Алексею из-за спины инспектора крупный кулак.

– А ну, давай посмотрим, – оживился старенький врач, и ассистенты кинулись снимать бинты.

Осмотрев рану, «светило» покачал лысоватой головой и, сверкнув серыми глазами, укоризненно произнес:

– Да за своих докторов, казак, тебе надлежит весь век Богу свечи ставить. Они тебе не только руку – жизнь спасли, а ты о них так неласково отозвался. Все дальнейшее зависит от тебя самого: разрабатывай пальцы, тогда сможешь и пахать и жену обнимать, – после этих слов Пирогов резко повернулся и перешел к осмотру следующего стонущего раненого.

Вернувшись с войны домой, Алексей застал умирающего отца. Тремя днями раньше тот ворочал мешки на мельнице и внезапно упал без чувств. Видать, от напряжения какая-то жила лопнула. Когда к нему вернулось сознание, старик уже не говорил, а только мычал, не владел правой половиной тела и лежал в избе безучастно и молчаливо, отказываясь от еды. Видно, смерть уже свила в нем свое гнездо...

Когда Алексей налил себе с дороги стаканчик терновой наливки и, поблагодарив мать за угощение, уже собирался ее выпить, то взглянул на постель отца и встретился с его печальными глазами.

– Мама, подай еще одну стопку, – попросил он.

Взяв из рук матери граненую рюмку на тоненькой ножке, он наполнил ее вином до половины, и поднес больному отцу. Бледный, как печная стена, отец с интересом поглядел, сначала на сыновние руки, потом с укором на него самого, повернул голову к стене и прикрыл глаза. – Обиделся!

– Прости, батяня, – произнес Алексей, и поспешил исправить свою оплошность, плеснув в рюмку до краев. Отец внимательно посмотрел сначала на сына, потом на икону, пригубил вино, благодарно кивнул и задремал. На следующий день его не стало.

Васяткино утро

Дом Чекмаревых был обыкновенным пятистенком, крытым практичным и дешевым камышом. Начинался он большими сенцами, в "зало" своей изразцовою стороною выходила печь-грубка, а в красном углу находился киот с иконами и лампадками. Деревянные полы выскоблены добела. Из потолочной матки торчит массивный крюк, на котором висит люлька годовалой Вальки. Шнурок для ее качания протянут на печь, где спят родители.

Отец мальчика – Василий Алексеевич, словно из поговорки «и не высок, да в плечах широк» – приземистый и крепко сложенный мужчина, одновременно, на удивление упругий и гибкий, как молодой дубок. Рассудительный и работающий, он неплохо знал кузнечное дело и слыл в округе хорошим мастером. В январе 1905-го на пару с братом Семеном они разгоняли столичную голытьбу во время беспорядков. Хлеща нагайками поющих запретные песни студентов, и покрикивая: "Молчать, пока зубы торчат!", казаки недоумевали: «Отчего эти городские «христопродавцы» хлеба не сеют и не молотят, а более нашего есть хотят?»

Мать Васятки – Фаина Александровна была доброй и заботливой женщиной, весьма симпатичной и остроумной, к тому же способной на любую домашнюю работу.

– Сын и дочь – день да ночь, – частенько говорила она о детях, подразумевая, что они – главная забота всей ее жизни.

Густые и вьющиеся темно-русые волосы, тонкие черты лица и легкий румянец не давали в юности спокойно спать многим парням. От ее сияющих глаз и ослепительной улыбки было невозможно оторвать взор и, порой, хотелось просто зажмуриться – до чего же

хороша! Роскошная коса толщиной с руку и нынче, когда она переплетала ее перед сном, доставала до самой скамьи...

Вот за этим массивным дубовым столом домашние собираются во время обеда. В центре его гордость семьи – ведерный тульский самовар, купленный на прошлой ярмарке. Из него по воскресеньям семья пьет ароматный мятный чай с бубликами.

Едоков не много, поэтому все кушают из одной миски или чугунка. После того как трапеза расставлена, семья молится, и отец разрезает каравай хлеба, раздавая ломти домочадцам. Нечаянно оброненный кусок следует немедленно поднять, поцеловать и сказать: «Прости, Господи!». Первый ломоть – знак внимания и почтения, старому отцу – Алексею Ивановичу. Трапезничают всегда в полной тишине. После обеда вновь читается благодарственная молитва, и подается чай. Теперь можно и "побрехать", как говорит дед, поскольку это уже не еда, а угощение...

Васятка проснулся с улыбкой. Лучи солнца, слегка увязнув в голубой дымке, стелющейся по траве, заглядывали в дом сквозь небольшое боковое окошко, и рисовали крест на выбеленной стене. Пушистый котенок мирно мурлыкал на своем любимом месте – в его изголовье. После Афиногенова дня лето миновало свой знойный возраст. Притихли пичужки и заметно похолодало по ночам. Пришла пора жатвы: «Первый колосок Финогею, – говорил дед, – а последний – Илье на бороду».

В доме никого не было. Отец уже дня три, как убирал хлеб на дальней делянке, а мать, забрав сестренку, трудилась в огороде. Вспомнил:

– Нынче мои именины (6.)! Ура-а-а!

Нередко Васятку и в будний день охватывало ощущение праздника, а в самую пасмурную и слякотную погоду – посещало прекрасное весеннее настроение. В такие минуты ему хотелось беспричинно смеяться, прыгать на одной ножке, хлопать в ладоши, корчить рожицы и радоваться самым обыденным вещам. Но сегодняшний день – особенный! Васятка соскочил с постели, подмигнул усатому атаману на пестрой лубочной картинке, натянул синие штанишки и зашлепал босыми ногами к столу, на котором его дожидался большой духмяный помидор и краюха ржаного хлеба, оставленные заботливой матерью. Наскоро перекусив, он выбежал в сенцы.

Дверь в сад была отворена. Утренняя свежесть приятно бодрила и сдувала с лица остатки сна. Крыльцо оказалось мокрым, видимо, ночью шел дождь, и каждый умытый листочек теперь сверкал, как огромный изумруд. Косые солнечные лучи ниспадали меж ветвей яблонь, и от этого вся земля была в золотых пятнах. Воздух был словно соткан из искрящихся и переливающихся струй... На пороге матушка поставила его грязевики, чтобы жирной черной землей он не загваздал чистые полы. Не забегая в нужник, Васятка привычно оправился под ближайшей яблоней. С ней была связана одна прелюбопытная история.

Дело было прошлой весной. Сад Чекмаревых буквально за один день сказочно преобразился: словно молоком облитые стояли вишни и сливы, а от нежно розовых нарядов яблонь просто невозможно было оторвать взор. Ласковые прикосновения солнца и аромат зелени освежали и поднимали настроение. Однако все вскоре заметили, что раскидистая яблоня, много лет кормившая домочадцев сочными и ароматными плодами, стоит грустная и как будто виноватая. В чем дело? Хоть и растет она в удачном месте, имеет крепкий ствол и роскошную крону, на ней совсем нет цветов, а значит, не будет и плодов. «Видимо, выдохлась, состарилась», – решили домашние.

Васятка видел, как дед взял топор но, приблизившись к яблоне, положил его у своих ног и стал ласково гладить её шершавый ствол. О чем он думал – неизвестно, но сердце мальчугана внезапно сжалось от великой грусти. Сейчас должно случиться непоправимое: упадет на землю мертвое дерево, и не станет больше яблоньки, которая столько лет украшала сад.

Вот уже ветви тихонько качнулись, словно понимая, что обречены, и жестами прося прощения. Дедова рука по-прежнему не поднимается, чтобы рубить ствол, и почему-то слезы наворачиваются на глаза от этой картины...

– Ладно, подождем еще годик, – пробурчал, наконец, дед и, обрубив пару сухих веток, отбросил топор к стене амбара.

Листья дерева зашелестели, как будто благодаря за спасение. Но далее произошло самое интересное.

– Васька, принеси-ка мне нагайку, зараз будем дерево пужать, – приказал старик наблюдавшему за ним внуку.

Васятка удивился, но исполнил просьбу деда. Тот принял нагайку и начал совершенно серьезно сечь ею ствол яблони, приговаривая:

– Не гоже доброму дереву быть без добрых плодов! Коли не разродишься, то в другой раз тебя ждет не плеть, а топор!

И что вы думаете? Нынешней весной "пуганая" яблоня расцвела пышнее всех остальных обитателей сада. Вся она стала роскошным бело-розовым букетом. Яблоко уродилось столько, что ветви пришлось подпирать рогатинами.

Проигнорировав ворчание цепного пса, Васятка переметнул через низенькую изгородь, и оказался на базу двоюродного брата Степана.

Конопатый пацаненок сидел на дереве и лакомился сливами, невозмутимо сплевывая косточки под ноги Василия. Так уж повелось, что брат Степка был одновременно и лучшим другом Васятки. Отвечать за свои проказы они тоже привыкли вместе. А таких случаев было великое множество. Например, отец Степана хранил сало в холодке, упрятав его в кованный сундук, ключ от которого носил на своем поясе. Братья, изрядно попотев, придумали для того замка хитрую отмычку и стали регулярно лакомиться семейными припасами. Наконец, это стало настолько заметно, что отец решил провести расследование. Как-то за ужином он спросил у матери:

– Катерина, ты сало из закромов брала?

– Сначала рассуди, а потом и спрашивай: ключи-то у тебя, – сварливо отвечала хозяйка.
– Видать, опять «иванчики» в зенках скачут?

– Ну, что за баба – в ступе не утолчешь, – рассерчал отец. – Молчи уж! Твои слова в комок свести, да в навоз снести.

– У плохого мужа жена всегда – «дура», – парировала острая на язык супруга.

– Сундук – это бабий надобень, а у тебя что ни слово, то – рогатина, – все больше распалился отец, и, откинув рукой с лица темный чуб, обратился к сыну:

– А ты, часом, не брал? Ну-ка, глянь мне в глаза.

– Нет, батянька, – покраснев и заерзав на скамье, вавакнул Степка, – верно, его кот съел...

Когда Васятка на другой день забежал за братом, то нашел его привязанным вожжой к ножке стола. За спасением друга он был застигнут дядькой Семеном и от души, по родственному, для внятной острастки, выпорот гашником.

– Пусти, не имеешь права! – верещал Васятка. – Я отцу все-все про тебя скажу! – всхлипывал он, размазывая по лицу слезы и сопли.

– Иди, иди, жалься, – усмехнулся в густые усы дядька, – напужал ежа голым задом. Слыхал небось: «доносчику – первый кнут». Мне-то твой отец – «спасибо» скажет, а тебе, пожалуй, и добавить может.

Так оно и вышло. Нет, дядька Семен был хорошим: прежде он воевал вместе с отцом, а теперь дарил Васятке подарки почитай на все праздники. Огромного роста, шумный, с вечно свисающим на лоб всклокоченным чубом. Поговаривали, что он, будучи на службе, захватил в плен целую банду бомбистов, готовящих покушение на самого государя...

А вот в другой раз провинился Степкин рыжий котиче, который повадился воровать Васяткиных цыплят, только вот не ел их, а душил и аккуратно складывал под крыльцом дома. Вскоре по запаху они и были обнаружены там в количестве восьми штук.

После извинений перед отцом Васятки, Семен Чекмарев срочно призвал к себе обоих братьев:

– Делайте, что хотите, – сказал он, – но чтобы этого разбойника я больше на своем базу не видел. Любой ваш грех беру на себя.

Делать нечего, воля отца – закон. Посоветовавшись, пацаны решили повесить бедолагу в саду на вишне. Нашли веревку, соорудили петлю и объявили преступнику приговор. Сообразивший, что к чему кот задержался, обломил сук и убежал с ним через огороды. На третий день он вернулся, но вел себя с тех пор смирно и на цыплят больше не охотился.

Вообще-то Васятка очень любил животных. Особенно лошадей – сильных, добрых и умных великанов. Он неплохо сидел в седле. Правда, чаще всего ему доверяли проминать жеребых кобыл, при езде на которых ноги у мальчика торчали в стороны почти горизонтально. А в прошлом году отец купил на ярмарке маленького смешного поросенка, и Васятка с ним сильно подружился. Про себя называл дружка Васильком и по несколько раз на день заходил в катух проведать своего тезку. Смысленный и добродушный, тот ластился, как щенок, бегал за ним по всему двору и даже дому, путался под ногами и любил сосать указательный палец мальчугана.

– А что это у вас в дому так воняет? – наигранно подивилась однажды соседка Фекла.

Родители, подумав: «что вашему пригожеству до нашего убожества?», – дипломатично смолчали. Ближе к зиме поросенок вырос, и его закололи... Нажарили шкварок и наварили крутого холодца.

– А чем это у вас так вкусно пахнет? – поинтересовалась все та же кумушка, зайдя как-то вечером посудачить.

– Наш аппетит никому не вредит, – ответила находчивая мать, – чё раньше воняло, тепереча и пахнет.

По мере сил и возможности Васятка помогал отцу на сенокосе и пашне, носил в поле обеды, управлял черными упрямыми быками – "цоб – цобэ", встречал по вечерам стадо, агунил и тетенькал маленькую сестричку. Когда мать отправляла его погулять, он самозабвенно скакал на хворостинке, играл в лапту, чирки и бабки, а случалось, дрался с соседскими мальчишками.

Частенько братья гуртом с соседскими «шкодниками», так называла их жена дядьки Семена - тетка Катерина, артельно воровали арбузы.

– Пошли катать гарбузы! – бросал клич долговязый Митяй по прозвищу Оглобля (он был вроде атамана). – Либо в кон, либо – вон! – и ватага сорванцов пускалась в опасное

предприятие: прячась в складках местности, крались на бахчу, по-пластунски меж лопухов пробирались к сладким ягодам и, пока не застучал старик-бахчевник, скатывали их с горки в овраг. К сожалению, многие арбузы бились, так как в спешке удавалось ловить лишь через один...

К исходу дня, когда солнце алым колесом потихоньку западало за станичные крыши, Васятка развлекался тем, что следил за полетом утяжеленных взятком пчел под стрехой своей камышовой крыши. Закончив усталый полет на конце какой-нибудь тростинки, некоторые труженицы проворно и надолго ныряли в ее просвет. Василий того и ждал. Предвкушая лакомство и озираясь, чтобы не увидела мать, он осторожно выдергивал такую камышинку из кровли, а потом, аккуратно разломив ее и щелчком вытряхнув хозяйку из своего жилища, высасывал или вылизывал сладкое содержимое пчелиных запасов...

Нравилось Васятке и лuzгать семечки, стоявшие в сенях большими кулями, или выбирать в мешке ядрышки без скорлупок, а также кушать пенки с маминого варенья. Летом он с удовольствием бегал на реку, где купался, удил рыбу и загорал, валяясь в речном песке. Если во время рыбалки попадалась мелочь, мальчишки совали этих силявок в рот и, тщательно разжевав, сплевывали – это хорошо притупляло голод. В известных им одним местах выбраживали с приятелями здоровенных раков, а на крутых речных берегах разоряли птичьи гнезда и пекли в золе добытые яйца.

Теплыми вечерами он иногда приходил, чтобы издали поглядеть на танок (7.) и другие развлечения молодежи.

Частенько парни и девчата играли «в соседи»: распевая песни, прохаживались по кругу, а затем рассаживались попарно и водящий, спрашивая «любишь ли соседа?», заставлял их целоваться.

На Святки Васятка любил ходить с плетеной корзиночкой славить Христа, а на Пасху – катать крашенки. Нередко он занимался и более важными делами: молился о близких, всех хороших людях и сиротах, размышлял: «зачем Боженька создал злодеев» или мечтал «о разном». Например, бывают ли добрые волшебники? Где их можно встретить и о чем лучше всего попросить? Но пока таковые ему не попадались, он все свои тайные желания загадывал у печи. Печка всегда казалась Васятке живым существом: гостеприимной, теплой и веселой хозяйкой дома, похожей на его маму. Печь умела петь на разные голоса, а порой сердиться и ворчать. У нее были глаза – небольшие углубления, где сушили рукавицы, и огромный, улыбающийся рот – устье, которое прикрывали железной заслонкой, когда печку топили, и дом наполнялся теплом, покоем, запахами горячей смолы и дымка. Лица домашних становились тогда еще роднее и ближе, их глаза начинали светиться любовью, а голоса становились тихими и ласковыми...

А вот в том, что в станице живут злые колдуны, Васятка нисколько не сомневался. Как-то раз к ним в дом пришел еще не старый иногородний мужик, с недавнего времени поселившийся на окраине станицы, и попросил отца перековать старую подкову в какой-то странный крест. Батя, почуяв неладное, отказался и довольно грубо прогнал посетителя. Утром следующего дня, подкашивая свежее сено для быков, отец увидел в траве гадюку. Решив проткнуть гадину косовищем, он очень неудачно крутанул косу рукой, да так, что чуть не срубил себе лезвием голову, до крови рассадив шею. Но это еще не все. Не прошло и недели, как могучий батяня серьезно занемог. Он исхудал, как шкворень, и ослаб так, что кружку воды выпивал с трудом и одышкой, как если бы это была пайка керосина.

Вконец отчаявшись, он направился к бабке ворожее:

– Помоги, бабуля, гибну!

Старуха долго отказывалась: «Знаю, милоч, чья работа: сильный колдун порчу напустил». . . Наконец, зажгла свечи, прочитала необходимые молитвы, выкатала несчастного батю хлебным мякишем и завернула последний в бумагу:

– Возьми, касатик, снеси это и отдай какому-нибудь бродяжному животному. Только, Христа ради, не разворачивай! А зло, вот увидишь, вернется туда, откуда пришло.

Больной отец побрел домой несколько успокоенный и недалеко от хаты того самого злого человека кинул свой сверток пробегающей собаке, которая моментально проглотила содержимое. Вот тогда-то и случилось самое невероятное. Из огорода колдуна раздался громкий лай, крики и стоны. Прильнув к щелям забора, отец увидел, как два огромных, лохматых пса рвут и кусают своего хозяина: зло вернулось к тому, от кого пришло. Разве не чудо? А больной батяня выздоровел. Сразу же после тех событий он стал быстро поправляться: у него "прорезался" аппетит, а через несколько дней вернулись и прежние силы.

На всю жизнь запомнился Васятке и другой случай, когда его самого, совсем еще маленького, остановила на дороге старушка и попросила:

– Детка, пописай в кружечку.

Васятка, недолго думая, исполнил ее забавную просьбу. А бабуля, все это, одним махом, тут же и выпила. Мальчик был потрясен, расплакался и в испуге убежал. Потом он узнал, что странной старушкой была местная знахарка Никитична. Именно она "зашептала" ему в младенчестве пупочную килу, а также унимала кровь, когда он глубоко порезал осокой руку, и не раз лечила от других хворей. Тем не менее, сколь жива была бабка, мальчик старался обходить ее стороной.

– Айда купаться! – крикнул Васька брату, и оба помчались к Хопру по знакомой тропинке. На берегу у них было любимое место, расположенное меж густых камышовых зарослей и покрытое золотым песочком. Ребята сбросили на бегу штанишки и, поднимая облако сверкающих брызг, кинулись в ясную, как зеркало, бодрящую воду.

Из-под ног метнулись в стороны стайки мальков. Водная гладь, чуть-чуть подернутая мелкой зыбью, слепила глаза, словно золото кладов из легенд о былинных разбойниках.

Плавал Васятка лишь по-собачьи, поэтому, побарахтавшись на мелководе пять минут, они со Степкой плюхнулись смуглыми животами на свой бережок и поглубже зарылись в теплый песок. На суше их встретил и ласково похлопал по плечам приветливый и добрый исполин – солнце.

– Как же долго идет этот день, скорей бы вечер, – думалось мальчонке, – родители управятся с работой, мама наденет стряпной передник и соберет на стол. Испечет жамок, приготовит вареников с вишнями, достанет из погреба квас. Придут крестные: отцов брат и мамкина сестра, принесут подарки. Будет очень весело. . .

Васятка закрыл глаза и, кажется, задремал. На засыпе да на пробуде, как известно, сильнее грезится. И приснился ему сон, будто ходит он по людной Богоявленской ярмарке, о которой сказывал дед, да выбирает себе игрушки и сладости. Но странное дело: кусает он пряники, а сытости нет, сосет сахарных петушков, а вкуса не чувствует. И тут навстречу ему идет цыган с кудрявой черной бородищей и ведет под уздцы красивого вороного жеребца. Конь взбрыкивает, дыбится, храпит и сверкает своими злющими глазами.

Подходит цыган к Васятке и предлагает:

– Бери, Василь Василич, по случаю именин, строевого скакуна, за одну денежку!

– Рановато мне еще на службу, – отвечает ему Васятка, – да и дикий он у тебя какой-то: не имається никак. Я его маленько боюсь.

– Не рано, а в самый срок, – говорит цыган, – меня сам Христос послал – ему вскоре твоя защита потребуется...

Сказал и вмиг пропал. И увидел себя Васятка парящим над полем битвы на горячем скакуне, а вместо тонкого прутика в его руке блистает дедова шашка на георгиевском темляке. Ужасные рогатые существа-враги от его взмахов снопами падают к ногам богатырского коня...

ЧАСТЬ 3. НАБАТ

Православный колокол – как живое существо: он всегда прекрасно чувствует человека, событие или ситуацию. Удивительное дело, но если стукнуть кулаком по внешней стороне колокола, то он стерпит, смолчит... А вот если ласково похлопать ладошкой, то он обязательно отзовется вам своими обертонами – поблагодарит, посочувствует, утешит.

Звук больших колоколов исстари создавал ощущение таинственности и магической силы. Это впечатление связывалось не столько с самим ударом колокола, сколько с его удивительным гулом. В народе бытовало мнение, что звоны имеют целебные свойства. Люди, взобравшись на колокольню, обмывали язык колокола, несколько раз звоня при этом, а воду уносили домой как средство против детских недугов. Колокола на Руси были почитаемым музыкальным инструментом. Их уважали все — простой люд, вельможи и даже цари. Русский народ любил звонить в колокола, и это разрешалось всем желающим во время Пасхальной недели. Пословица об этом говорит так: "В светлую седмицу кто не звонарь".

Указующий перст колоколен всегда направлен ввысь, как бы подсказывая, откуда вольному народу следует ожидать помощи и покровительства...

Известие о беде пришло после полудня. Солнце, своротив с пообедья, нежно обтекало золото церковных маковок и раскрытые объятия крестов. Воздух «гнулся» и «танцевал» под тяжестью ослепительного зноя.

Посыльный скакал по полям с развевающейся хоругвью. Слова были не нужны – это сигнал о начале войны! Следом полыхнул набат: посыпался, покатился по округе – густой и чистый, скорбный и величественный. Голос колокола возвещал о большой беде, великом людском горе – о нападении врага-германца. Словно из глубин земли русской, из самых ее недр, души и сердца рвался тревожный гул, сдавленный стон, призыв к единению, мольба о защите. Веками люди, заслышав этот святой глас своей праматери и кормилицы, забывали все житейские распри и гранитной стеной вставали на пути захватчика. Потому и побеждали. Так было прежде и так будет всегда...

Станица мгновенно очнулась от полуденной дремы, быстро, но без суеты, засобиравшись и деловито зашумела, словно в разгар престольного праздника. Каждый дом теперь чем-то напоминал потревоженный муравейник. В отцову походную суму мать сложила смену исподнего, чистые портянки, сухари, два мешочка – пшена да гороха, шмат сала в ширинке, пару луковиц, немного соли, кисет с махоркой и связку сушеной рыбы. Как говорится, «носить - не просить» и «запас мешку не порча».

В построенной полвека назад каменной однопрестольной церкви во имя Сретения Господня батюшка уже служил молебен на одоление врага:

– Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверным людям на супротивныя даруя, и Твое сохраняя крестом Твоим жителство...

Довольно быстро народ заполнил улочки, прилегающие к майдану.

– Люди без Бога пришли разорить нашу страну и разрушить наши алтари. Христе Боже наш, погуби Крестом Твоим борюция нас, да уразумеют, како может Православная вера молитвами Богородицы, едина Человеколюбче...

Воя и причитаний слышно не было, тихонько плакали лишь молоденькие бабы, коим впервой оставаться желмерками. Казачки – особенные женщины. Известны случаи, когда они наравне с мужьями и сыновьями во всеоружии отбивали внезапные набеги врагов.

Сами казаки держались молодцевато, многие были уже слегка навеселе. Кто-то допивал свою стременную чарку, а кое-кто уже и не первую... Тут и там играли гармошки и пелись задорные песни:

Наши сотни, наши пики -

Страшны, памятны врагам,

Мы с казачьим нашим гиком

Бьем нещадно басурман...

В новой справе, суровый и сильно непохожий на себя самого отец, с тремя лычками на погонах, при шашке и пике, качнулся в седле в сторону сына:

– Ты, Василий, уже большой, – и ласково прочесал пятерней его чубчик "против шерсти", – я ухожу на войну, и вот тебе мой наказ на отбивное время: дом смотри и мать с сестрою береги, – сказал он совершенно серьезно и даже как-то торжественно.

Васятка вдруг понял, что отец впервые говорит с ним на равных, по-мужски, и от этого стало беспокойно и страшно. Захотелось убежать на задворки, зарыться в сено, ничего не видеть и не слышать. Наверно, правда, что война – опасная штука.

Батянька одернул гимнастерку, поправил скрипучие ремни, и, взглянув на своего старого отца и жену с годовалой дочкой на руках, наконец-то улыбнулся:

– Ничего, родимые, наши немцу всегда давали перцу! Не горюйте, не кричите о нас, мы их и ныне одолеем! Придут казаки с Дону, да попрут прусака до дому! Верно, батя?

– Верно, сынок, верно, – засуетился и закивал дед Алексей, – береги себя, соколик, и вертайся скорее с победой, – промолвил он, кашлянул и отвернулся, чтобы промокнуть стариковские слезы. – На то мы, казаки, и нужны, чтобы воевать супостата.

Дядька Семен и три зятя также подошли обняться на прощанье со старым отцом.

Конь боевой с походным вьюком

У церкви ржет – кого-то ждет... – неслась по станице протяжная казачья песня.

Через два часа сотня отца рысью вышла в сторону Урюпинской.

Станица сразу опустела и погрузилась. Неуютно сделалось и на душе Васятки. Будто бы ничего вокруг не изменилось, но парнишка понял: сегодня кончилась вольготная мирная жизнь и на смену ей пришла тяжелая и страшная военная пора. Тошно тому, кто сражается, а еще хуже тем, кто остается и дожидается.

Старики и бабы с ребятишками стали расходиться по своим дворам. Только горки свежего конского навоза, пяток оброненных кем-то яблок да сизые от пыли кустики полыни у церковной ограды украшали майдан. Так же стояла она – душистая, но горькая травушка-полынушка здесь и год и сто лет назад. Так же молча прощалась со своими православными витязями, а они с ней. Так же буйно будет расти она по вольным станицам и донским степям до скончания всех времен, до самого последнего дня...

Вот так начался для семьи Чекмаревых август 1914 года.

ЧАСТЬ 4. МОЯ РЕКА

«Не видя вещей, мы их видим...»

В. М. Карпенко

Молодость всегда торопит жизнь. Но проходят годы и становится ясно, что не мы проводим время, а оно провожает нас... Старятся и покидают этот мир наши родители... За бесценок продаются или попросту разрушаются опустевшие дома – чья-то милая малая родина... И рыдает душа от досады и грусти, и сжимается сердце при сравнении былой и нынешней жизни, и дрожит огонек поминальной свечи, когда я думаю о давно ушедших, но таких близких мне людях...

*Малая родина... Старое кладбище,
Маковки церкви, оградки, кресты...
Белый козленок с соседнего пастбища
Рожками бьет в бахрому бересты.*

*Милая родина – песня казацкая:
Есть в ней и грусть, и огонь, и задор...
Тихий затон, плоскодонка рыбацкая,
Вольной степи необъятный простор...*

*Здесь был мой дом... Наклоняюсь к окошку...
Там, где вечерит другая семья,
Вижу, как мальчик балуется с кошкой,
И понимаю, что он – это я...*

*Ты – белокрыс, а я – лыс, но есть главное:
Все наши силы – из этой реки,
Нашей земли, что овеяна славою,
Ведь не случайно же мы – земляки!*

Лет тридцать назад мне приснился необычный сон. Как будто я совсем еще маленьким гуляю со своим дедом по саду в моем родном городке. Вокруг нас – нежная весенняя зелень, цветы, пение птиц и даже тихая музыка. А дед совсем еще не старый – безбородый и не седой, смотрит на меня с доброй, но немного грустной улыбкой. Вот мы присаживаемся с ним на скамейку под любимой яблоней, я забираюсь к дедушке на колени, прижимаюсь к его груди и так мне спокойно и радостно, как бывало только в детстве. Счастье сладкой волной разливается по всему телу. Дед гладит мою голову и молчит, глядя куда-то вдаль. В руке у него папироса. Я немало удивлен: ведь помню, что он уже лет десять, как бросил курить – сердце, но прошу:

– Дедуля, пусти дым носом.

Дед кивает, делает глубокую затяжку и старательно выдувает из ноздрей сизое вихреватое облачко. Он сейчас очень похож на паровоз, и мы оба весело смеемся...

На этом месте я и проснулся. Открыл глаза – будильник высвечивал три часа ночи. Мирный сон так отчетливо врезался в память, что мне стало немного не по себе.

– Ишь, ты... – ворочался я с боку на бок, – вот так сон! Что бы все это значило?

Раньше дедушка никогда не снился. В повседневной круговерти, к своему стыду, я мог месяцами его не вспоминать, а тут такой сон – странно.

Да, видно, случается иногда в жизни день – равный году, а бывает, что внезапно приходят мысли, наверное, самые важные для человека. Так же неожиданно нахлынули на меня воспоминания о далеком детстве, родном крае и доме моих предков.

Был тот дом крепким, просторным и гостеприимным, с белоснежной русской печью, резной поскрипывающей мебелью, настенными часами-ходиками, а еще со старыми закопченными иконами и непередаваемо добрым жилым духом. При посещении этого дома, меня всегда охватывало чувство покоя и умиротворения. Как бы я хотел вновь выспаться на тех кроватях с железными шарами, посидеть на стареньком горбатом диванчике или поваляться с книжкой на дедовом сундуке! Казалось, что даже время тут бежит не так стремительно, а пожелтевшие фотографии на стенах напоминают о том, что это и есть мое родовое гнездо.

Здесь все было, как в доброй сказке: крылечко по пояс вросло в землю, с утра до вечера люди улыбались друг другу, а голуби смело клевали крошки прямо с руки. Как же давно я там не был... но как часто улетал туда в своих мечтах...

*Как ты живешь, мой старый дворик?
Наперекор седым годам
Все так же полыхают зори
В глазах твоих оконных рам?*

*Ты скрипни мне: «Привет, бродяга!
Где пропал? Входи скорей!»
Пусть штор цветных взметнутся стяги
И «встречный марш» исполнит дверь...*

*Здесь наше детство пролетело...
Мы вместе станем вспоминать,
Что тихо у кроватки пела
Моя молоденькая мать...*

*Про лучший гол, лапту и прятки
Шепнет мне тополь-старожил:
С кем я покуривал украдкой,
Как с чудной девочкой дружил...*

*И я пойму, что не случайно,
Спешил сюда так много лет –
Хотел вернуться в детство... тайно...
И зорь его увидеть свет...*

Тот двор запомнился еще и тем, что весь утопал в зелени и цветах. Аромата и красок добавляла растущая здесь же персидская сирень и гигантская, а может, она мне просто казалась такой, белая акация. В густом яблонево-вишневом саду, самым примечательным постояльцем была высоченная, словно обнимающая своими ветвями ширь неба, груша, из плодов которой изготавливалась изумительная наливочка. В тени деревьев пряталась та самая скамеечка, на которой мы с дедом частенько отдыхали в знойный полдень.

Расположение дома на пересечении главных улиц, его высокий каменный фундамент и обилие комнат, вызывали зависть соседей и указывали на достаток и трудолюбие хозяев. Они ставили его «навсегда», словно знали, что по прошествии почти века в нем придется жить и их правнукам...

И вдруг мне стало ужасно стыдно. Злость и обида на самого себя вскипела, словно сода в уксусе, а в голове завертелись старательно распиханные прежде по каким-то немислимо дальним закуткам души позорные мысли:

– Ведь дед считает меня любимым внуком, – думалось мне, – а я не был у него уже лет десять. Открытку к празднику, в который раз, забыл послать...

Зато дед писал регулярно и живо интересовался всеми нашими делами. Осенью от него приходили посылки с яблоками и семечками, а случалось, что с баночкой варенья или другой нехитрой снедью. Как говорится, «чем богаты, тем и рады». Плохо жить одному – тяжело и, наверное, страшно, но в детстве всего этого не понимаешь, а осознаешь лишь с возрастом. Однажды мой двоюродный братец, наблюдая, за тем, с каким трудом дедушка таскает из колонки воду для полива своих грядок, расчувствовался и изрек:

– Дедуля, когда я вырасту, то обязательно стану летчиком и сброшу на твой огород водородную бомбу! Тогда тебе не нужно будет так далеко носить полные ведра.

Смешно, да не до смеха... Конечно, деду от случая к случаю помогали сыновья – мой отец и дядя. Съезжались в период отпусков: копали огород, латали крышу, кололи дрова. Потом в письмах долго сетовали на то, как их отец постарел и сдал. Сам дед никогда не жаловался, и, несмотря на неважное здоровье и фронтовые раны, упорно не переезжал ни к одному из сынов – не хотел стеснять...

Дед не любил вспоминать о своей молодости, однако от папы я узнал, что судьба никогда не баловала его. Во время Гражданской войны он был подростком, и воевать ему не довелось. Однако и такого малолетка буденовцы пытались расстрелять у стены нашего сарая, за то, что его отец, награжденный в Германскую двумя крестами и произведенный в офицеры, сражался в рядах белой армии. Воем и слезами бедной матери эту казнь удалось предотвратить, а вот батянька сгинул на полях войны, так и не успев рассказать родным всей «своей» правды...

Сложное и неоднозначное было время. Как оно показало – каждый любит и защищает свою землю и свой дом по-разному... А мой дедушка, поверив большевикам, принялся строить «новую» жизнь, однако, после того, как руководимая им бригада чем-то отравилась в разгар сенокоса, он по доносу мужа сестры был обвинен во вредительстве и арестован. Мне не известны подробности, но через пару месяцев его все же освободили и даже восстановили в партии. Редчайший по тем временам случай...

Однажды, в конце шестидесятых годов, мне довелось присутствовать при одном любопытном разговоре, касающемся той поры. Мой папа всегда был заядлым футболистом и постоянно водил меня на стадион. И вот однажды после какого-то матча, к нам подошел невзрачный щуплый старичок, и, хитро прищурившись, спросил у отца:

– Ты что ли сын Васьки Сергеева?

– Да, – я, – ответил мой батя.

– А ведь твой папаша меня раскулачивал и в ссылку отправлял...

– Слушай, дед, чихай-ка отсюда по-хорошему, – довольно грубо оборвал его отец.

– Вот-вот, – прошамкал старик, – яблочко от яблоньки недалеко падает, – и ушел, опираясь на палку.

– Кто это? – стал выпытывать я у родителя.

– Видимо один из тех, кто по ночам в наши окна из обреза стрелял... – ответил отец, закуривая новую сигарету, – причем метил обычно в детские кровати. Я хоть и мальцом был, но все отлично помню...

Когда началась война с фашистами, дед ушел на фронт добровольцем, но уже в октябре 1941 года под Вязьмой его дивизия попала в окружение. Далее жизнь уготовила солдату унижительный плен с множеством лишений и, наконец, удачный побег – для чего товарищам пришлось закопать его в братскую могилу вместе с умершими от ран, голода и холода красноармейцами. Кое-как добрался он до «своих» и... вновь колючая проволока, но теперь – сборно-пересыльного пункта для бывших военнопленных, и спецпроверка в тыловом лагере НКВД. Продолжил войну мой дедушка уже в штрафном батальоне... Боевых наград я у него никогда не видел, зато хорошо помню грубый шрам на спине, оставшийся после сквозного пулевого ранения...

– На будущей неделе непременно ему напишу, – решил я.

Дремота окончательно отступила. Вспомнились рыбалки на пару с дедом: тихонько постреливающий костер на берегу реки, густая, пахучая уха в котелке, веселые и грустные истории, которые дед рассказывал мне в камышовом шалаше перед сном.

– Ты думал когда-нибудь о том, что вся эта красота, – и он широко поводит рукой округ, – живая? Вот сегодня нас с тобой приютил лес, и он чутко следит за каждым нашим шагом. Всякому своему гостю он искренне протягивает зеленые ладошки для дружеского рукопожатия. Но если мы расстроены, обижены или озлоблены, то лесу будет больно. Нас то он вылечит, вытянет, как губка, все наши неприятности, успокоит и подбодрит, а сам может и поплатиться: где-то засохнет ветка, не вылупится птенец, не вырастет гриб. В природе, внучок, все взаимосвязано – береги ее: не обижай и не губи понапрасну то, что вокруг тебя...

Как же давно это было: ночевки на берегу неторопливой речушки, трели виртуоза-соловушки, звон цикад, плеск играющей рыбы и разговоры, разговоры до самой зори под аккомпанемент всей этой симфонии! Повзрослев, я написал об одном таком дне стихотворение:

*Всплывают в памяти минуты,
Когда в предутренней тиши,
Туманом к берегу пригнуты,
Сутулясь, дремлют камыши.*

*Луг пахнет мятой и медом,
Дымком заветной старины,
И кони пьют живую воду
Из отражения луны...*

Наша река особенная: она дарит свои воды самому Батюшке-Дону. Многие поколения моих предков связывали с ней свою судьбу, и даже жизнь. Описать это так же непросто, как передать словами музыку Моцарта или Бетховена, потому что сонаты и симфонии обязательно нужно слышать, а реку – непременно видеть, а еще лучше – по ней плыть...

Тревожно вскрикивают в ночной тиши излучины весел, обиженно всхлипывают разбуженные листья кувшинок, а за кормой лодочки разбегаются легкие, как крылышки мотылька, волны. Очищает и исцеляет душу прохладная правда реки... Тихой грустной мелодией звучат прозрачные струи в густом, как сметана, предутреннем тумане, словно запутавшемся седой бородой в густых зарослях острой, как бритва, осоки.

А вот зеленовласая ивушка приспустила свои длинные рукава к самому зеркалу воды, как бы желая умыться в ней изумрудные ладони, или, быть может, оглядеть и поправить свою русалочью прическу... А сверху, неслышно откинув пушистый полог облака, тайком любит ее красой молодой повеса-месяц...

За очередным плавным изгибом реки едва угадывается место нашей стоянки. Нос лодки с глухим шелестом зарывается в белеющий песок. Костерок возле шалаша давно догорел, лишь над горкой теплой еще золы чуть струится кудрявый голубой дымок, повисая на ветвях обступивших нас со всех сторон дубов...

Вытаскиваю лодку на пологий берег. Скоро рассвет, но спать совсем не хочется. Да и о каком сне может идти речь? Сейчас такой клев начнется!..

И вот все больше розовеет уголок звездного неба, все выше и выше клубится над водой туман и вдруг... первые лучи долгожданного солнца. Вот оно – новое утро! И мы с дедом уже забрасываем свои удилища...

Внезапно я понял, что и сегодняшний сон – это не сон вовсе, а быль, только давным-давно забытая, но теперь всплывшая из глубин моей памяти. И вот ведь незадача – сразу сделалось как-то грустно, неуютно и даже тревожно. Тогда я решил поделиться нахлынувшими чувствами с женой, тихонько спящей рядом.

– Слышь, Вер, – тронул я супругу за плечо, – сон мне приснился...

– Да, да – спи... – пробормотала Вера.

– ...Будто я еще мальчишкой брожу с дедом по саду. К чему бы это?

– К урожаю. Яблоки у него хорошие... – ответила жена.

– А вдруг с ним, что-то случилось? Старик ведь...

– Да сплюнь ты, – зевнула Вера, – к письму это. – А сколько же ему лет?

Я порывлся в памяти, но нельзя вспомнить того, чего никогда не знал, и ответил расплывчато:

– Восьмой десяток...

– Ну-у, – потянула жена, – в вашем роду все до девяноста поскрипывают. Давай спать, – и отвернулась.

Даже после такого бестолкового разговора мне стало спокойней. Стараясь не шуметь, я вышел на лоджию и, глядя на блестящую, как солдатская пуговица, и едва уместящуюся в оконный проем, перезревшую луну, закурил.

– Не мешай мне убивать в себе лошадь! – привычно парировал я сонное ворчание жены.

...Дед не был набожным человеком и в церковь ходил крайне редко. Тем не менее, когда мне было пять лет, он настояла на моем крещении. Это важнейшее событие в моей жизни готовилось в тайне от отца – убежденного коммуниста, который, как в последствии выяснилось, все знал, но делал вид, что "не в курсе".

И вот ранним летним утром – я, дедушка, мама и ее сестра, готовящаяся стать моей крестной матерью, какими-то задворками, окольными путями и огородами, стали

пробираться к церкви. Мы потратили на это паломничество почти час времени, хотя, прямая дорога заняла бы от силы минут пятнадцать. Как сейчас помню: облаченного в золотые праздничные одежды батюшку, запах ладана и свежесть омывающей меня святой воды. После этого события Господь стал слышать мои молитвы.

А церковь ту вскоре закрыли, а еще через пару лет – взорвали. Я ходил смотреть на ее руины... Потом на этом месте построили серенький, никому не нужный и напоминающий обычный сарай, кинотеатр...

– Эх, все-таки я – порядочный свинтус! – вновь накатила на меня волна покаяния. – Надо к нему непременно съездить, – вдруг осенило меня, – и лета ждать ни к чему: через неделю очередные праздники – три выходных дня, а добираться-то всего два часа самолетом, да три – электричкой. Представляю, как дед обрадуется! Вот куплю завтра билеты и – в путь-дорожку! Утром поговорю с женой – пусть собирает гостинцы. Ай да голова! – похвалил я себя за сообразительность, и на душе полегчало. – Поживем дня три у деда, по хозяйству поможем, по маленькой пропустим. Старик будет очень доволен...

Я вспомнил, как по ночам в старом доме бьют часы с кукушкой, как где-то за печкой стрекочет сверчок и мурлычет общий любимец кот Маркиз, и даже немного растерялся, когда нахлынувшие горько-сладкие чувства неожиданно увлажнили мои глаза.

– Ну, все дела – утром, а теперь спать! – приказал я себе и пошел ложиться.

Очень скоро я провалился в новый яркий сон...

Погожий летний день, спелые сочные яблоки на ветвях деревьев и в траве под ними, беззаботные солнечные зайчики на садовых дорожках. Во дворе нашего дома вновь вижу дедушку, с играющим возле него маленьким белобрысым мальчуганом. Они о чем-то оживленно беседуют и весело смеются, не обращая на меня никакого внимания. Я очень рад новой встрече и, подойдя ближе, с удивлением спрашиваю у любимого дедули:

– А что это за малыш рядом с тобой?

– Разве не видишь? – отвечает дед, лукаво улыбаясь. – Это же – ты...

На работу я, конечно же, проспал. Бестолково суетясь в прихожей, решил отложить разговор с супругой до вечера.

Весь день меня не покидали мысли о минувшей ночи, своем удивительном сне и принятом решении, которое постепенно еще больше окрепло. По дороге домой я заскочил в агентство аэрофлота и купил два билета. Все шло нормально.

Жена встретила меня в дверях. Сбросив куртку и потирая озябшие руки, я улыбнулся – настроение было прекрасным:

– Вер, есть тема для разговора ... – начал я, но осекся.

Вера протягивала бланк телеграммы:

– Прочти.

Еще улыбаясь, я развернул сложенный вдвое листок и прочитал:

– СРОЧНАЯ. НОЧЬЮ СКОНЧАЛСЯ ВАШ ДЕДУШКА ПОХОРОНЫ ПЯТНИЦУ.

Телеграмма бабочкой опустилась на пол...

СНОСКИ:

1 – Пластун – пеший казак, разведчик.

2 – У казаков Круг служит обозначением любого всенародного собрания. По старинным актам известны круги валовые, войсковые и полковые. Круги решали все общественные дела. Низшим кругом был полковой, впоследствии – станичный или хуторской.

3 – Односум - однолесток и сослуживец по полку. Понятие О. сохраняется с того времени, когда каждый десяток в казачьей служилой сотне вел свое отдельное хозяйство и возил провиант на вьючной лошади в сумах.

4 – старинные русские единицы измерения объёма жидкости, а также сосуды такого же объёма: шкалик - 60 грамм, стопка - 100, чарка - 120. Применялись, преимущественно, для измерения количества вина и водки в кабаках.

5 – «Отцовскую» кашу издревле готовили на Руси для отцов новорожденных. Её обильно заправляли перцем, хреном, горчицей и горько солили. Отцу нужно было съесть такую кашу всю, без остатка. Давились, а ели. Терпи, казак! Порой от такого угощения глаза на лоб вылезали. Зачем же такие издевательства? Чтобы отец младенца хоть в какой-то мере смог оценить все тяготы родов своей жены. А у соли в этой каше была своя роль. Соль должна была изгнать из дома новорожденного всю нечисть, ведь дом роженицы в момент рождения младенца считался нечистым.

6 – Традиция празднования именин известна на Руси с XVII века. Обычно накануне праздника семья именинника варила пиво, пекла именинные калачи, пироги и караваи. В день самого праздника именинник со своими родными ходил в церковь к обедне, заказывал молебен за здравие, ставил свечи и прикладывался к иконе с ликом своего небесного покровителя. Днем друзьям и родственникам разносились именинные пироги, а вечером устраивался праздничный ужин. После революции с именинами начали серьезную и планомерную идеологическую борьбу: обряд крещения был признан контрреволюционным, и его попытались заменить на "октябрины" и "звездины". Борьба с "пережитками" доходила до анекдотических крайностей: так, в 20-х годах цензура запретила "Муху-Цокотуху" К. Чуковского за "пропаганду именин".

7 – Танок (от слова «танцевать») — древний южно-русский и украинский народный массовый обрядовый танец, с песней и элементами игры, вид хоровода.

КОНЕЦ

КАЛИНИНГРАД, 2005 - 2015 ГОД